

ПИТЕР ДЭВИД

УДИВИТЕЛЬНЫЕ
ЛЮДИ ИКС
ОДАРЁННЫЕ

MARVEL

Вселенная Марвел

Питер Дэвид

**Удивительные Люди
Икс. Одарённые**

«АСТ»

2012

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

Дэвид П.

Удивительные Люди Икс. Одарённые / П. Дэвид — «АСТ»,
2012 — (Вселенная Марвел)

ISBN 978-5-17-099746-6

Люди Икс, отверженные герои, собрались вместе, чтобы встать на защиту прав мутантов всего мира. Но что, если отныне никто не обречен быть мутантом? Что это – проклятье или благословение? И какой ценой достанется мутантам это «лекарство»?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099746-6

© Дэвид П., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

1	10
2	17
3	20
4	23
5	28
6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Питер Дэвид

Удивительные Люди Икс: Одарённые

*Акселю – за то, что думал обо мне,
Стюарту – за то, что направлял меня,
и Джоссу – за то, что он удивителен.*

© 2017 MARVEL

* * *

Я одна. Совсем одна.

Чувствую, как сердце бьется в груди, и в глубине души хочется с визгом убежать домой, к родителям. Мне – тринадцать. Ну ладно, тринадцать с половиной. И самое худшее, что в моем возрасте это «с половиной» действительно имеет значение, как будто в том, что ты на шесть месяцев ближе к возрасту согласия, который наступит через четыре года, а еще через три года после этого и спиртное сможешь пить, есть повод для гордости. Как бы там ни было, суть в том, что мне – тринадцать. С половиной. Тех, кому тринадцать с половиной, нельзя вынуждать разбираться с такими вещами. Тут и родители не смогли бы поделать ничего.

Ну, какого – вот какого дьявола я им скажу? «Мам, пап, Люди Икс в плену. Есть мысли?»

Жуткая это штука – попасть в положение, настолько превышающее родительскую способность что-либо объяснить, что-либо посоветовать или хоть чем-то помочь. Этого не исправить за тарелкой свежего домашнего печенья и стаканом холодного молока, пока отец уверяет, что остальные девчонки мне просто завидуют, а мать говорит, что я должна гордиться своими проклятыми волосами, не желающими выпрямляться несмотря на все усилия самых усердных парикмахеров. Все эти милые банальности, все эти заверения не стоят ни гроша, когда... да, верно – когда ЛЮДИ ИКС, ВЕЛИЧАЙШАЯ ИЗ КОМАНД ГЕРОЕВ-МУТАНТОВ В МИРЕ, ЗАХВАЧЕНЫ В ПЛЕН. И только я – только я могу чем-то помочь.

Просто нечестно, что все это свалилось на мои плечи. Ну, кто я такая? Кэтрин Прайд, головастая тринадцатилетняя девчонка с магендавидом на шее и душой нараспашку.

Я – в грузовом отсеке маленького катера на воздушной подушке, несущегося по какой-то незнакомой улице Нью-Йорка, так что сами можете судить, как круто повернулась моя жизнь – когда вы в последний раз видели на улицах Манхэттена катер на воздушной подушке? Злодеи – в переднем отсеке судна. Мне их не видно, только слышно, как они обсуждают свои планы – но и то в самых общих чертах. Сути понять не могу.

Вдруг слышу собственное имя. Какой-то головорез спрашивает обо мне. Какая-то женщина – отвечает. Ее голос мне знаком.

Решаюсь рискнуть и поглядеть, что происходит. Нерешительно прижимаю ладонь к переборке, и молекулы моего тела проникают в металл. Я могу пройти переборку насквозь, будто призрак. На всякий случай задерживаю дыхание – неизвестно, что случится, если вдохнуть, находясь внутри стенки. Кожу пощипывает. Прохожу сквозь переборку, появляюсь с другой стороны...

И вижу женщину. Вижу со спины, но узнаю ее.

Это же та самая женщина, мисс Фрост! Та, что возглавляет академию, куда родители хотели определить меня перед тем, как решили отдать в другую, которой управляет профессор Чарльз Ксавье. Да, это та самая женщина, та самая Эмма Фрост, заглянувшая мне прямо в глаза и сказавшая, что мы прекрасно подружimsя.

Но какого дьявола она так вырядилась? Трусы, сапоги до бедер, корсет, накидка – и все это белое! Кто же ведет катер? Сам Хью Хефнер из «Плейбоя»?

Эмма Фрост и ее головорезы держат в плену Людей Икс. Я должна выручить их. Но как? У этих типов – и оружие, и суперсилы, а я – это всего лишь я.

Жду. Дожидаюсь момента – и неожиданно делаю свой ход. Мы уже не в катере. Когда мы успели покинуть его? Не знаю, но вдруг – раз, и я в каком-то здании. Люди Икс здесь же, в клетках. Прохожу сквозь стену и вижу, как волокут в клетку одну из Людей Икс – Шторм, заклинательницу погоды. Подхожу к ней, но она внезапно велит мне убираться вон, и... Боже мой, это же Эмма Фрост! Заметила меня и посылает за мной своих головорезов! Бегу, сердце рвется из груди, ныряю сквозь пол головой вперед.

– Перекрыть комплекс! – визжит Фрост позади. – Разбиться на группы и обыскать все! Немедленно найти Китти Прайд!

Никогда в жизни я не сталкивалась с такой чистой злобой, такой неукротимой жаждой мести. Становится ясно: она намерена сотворить со мной что-то ужасное.

Оказавшись снаружи, мчусь в переулок. Стоит жуткий холод, а на мне только джинсы, топик и легкая жилетка. От холода и страха бьет дрожь. Внезапно сзади переулок озаряет свет. Автомобиль! Он несется на меня, и я бегу, ничего не видя вокруг, ни на чем не в силах сосредоточиться. Мне слишком страшно. Спотыкаюсь. Падаю. Мысли путаются в голове. Вместо того, чтобы проникнуть сквозь землю, жестко ударяюсь о нее плечом.

Но боли нет. Не знаю почему. По всем ощущениям, должна быть.

В поле зрения – ничего, кроме мечущихся из стороны в сторону лучей фар. Фары светят ярче и ярче. Отчаянно хочется завизжать. Раскрываю рот – и не могу. Визг застревает в груди, и я выдавливаю его силой – сквозь горло наружу – поначалу негромкий, сдавленный, и вот, наконец...

Резко вскакиваю, сажусь в постели, будто мой собственный визг выдергивает меня из сна наверх, в мир бодрствования. Тут же зажимаю ладонями рот, в ужасе от того, что мой визг мог потревожить родителей. Они были так добры, что позволили перекаптоваться в моей старой комнате, пока я в процессе переезда, и последнее, чего бы мне хотелось, это будить их среди ночи.

В доме тишина. Пуля просвистела мимо.

Включаю лампу на тумбочке у кровати и щурюсь на свет. Три утра. Комната – мемориал той, кем я была когда-то. На стенах – целые гирлянды плакатов бойз-бэндов. Когда-то в них заключался весь мой мир. В прошлом, когда мой мир был спокоен. В прошлом, когда мой мир был понятен.

Письмо так и лежит на тумбочке. Хрусткий белый лист бумаги, аккуратно сложенный вдвое. А должен быть смят в тугой комок или разорван в клочки. Да так с ним и следовало бы поступить. Но нет, письмо так и лежит на тумбочке, будто дразнит, издевается надо мной. Его нужно было разорвать, однако ж вот оно – мозолит глаза, как прыщ на выпускном балу. Зная автора, зная ее... Уничтожь я это письмо – за ним просто появилось бы другое, а за ним – третье, а за ним – еще сотни, внесенные ветром в окно, брошенные в дымовую трубу, как в «Гарри Поттере», переполняющие гостиную, не оставляя в ней места ни для чего, кроме нее, кроме этой ведьмы.

Уделяю минутку раздумьям о своих снах. Для большинства ночные кошмары – просто случайные мысли и страхи, сидящие в глубине подсознания, всплывающие на поверхность спящего разума и бросающие человека в самую середину наихудших из возможных поворотов событий. А вот представьте себе, что у меня за жизнь: все, что мне только что снилось, случилось со мной на самом деле – такт за тактом, нота за нотой. Все эти чувства, все эти жуткие встречи так же свежи и реальны, как и годы назад, когда я пережила их впервые. Неотфильтрованные, неизменные, не поблекшие с течением времени...

Я думала, все это осталось позади. В конце концов, в моей «карьере» случались ночи намного, намного хуже. Случались утраты, разбившие мое сердце.

В моей жизни была Джина Грей, рыжеволосая героиня, вероятно, сильнейший телекинетик на Земле... Женщина, которая спасла меня той самой ночью от гнавшихся за мной в переулке... Возлюбленная Скотта Саммерса, командира Людей Икс.

Она мертва.

В моей жизни был Петр Распутин – Колосс, покрытый металлом парень из русской деревни, непробиваемый снаружи, такой нежный и ранимый внутри... мой возлюбленный.

И он мертв.

И не только они...

Помню, когда мне было двенадцать, Джоя Райсмана, переходившего улицу по пути в гастроном, насмерть сбила машина. В то время я была в него влюблена и плакала неделями. Буквально. Неделями. Смерть казалась чем-то невообразимым.

Теперь она называется «издержки службы». Я ушла со службы. Оставила Людей Икс. И все же письмо лежит на тумбочке – дразнит, будто издевается надо мной.

Письмо от нее. От мисс Мы-прекрасно-подружмися.

Беру письмо, намереваясь, наконец, смять его и освободиться от нее – раз и навсегда. Стандартный бланк, отпечатанный простым убористым шрифтом, не говорит ни слова о том, что означает «Школа профессора Ксавье для одаренных детей» на самом деле.

«Дорогая Китти!»

Чересчур очевидные потуги казаться дружелюбной. Как будто между нами когда-либо было что-то, хоть отдаленно напоминающее дружбу...

«Дорогая Китти! Начинается новый семестр, и мы уверены...»

Мы? Кто там еще с тобой? Скотт, твой нынешний бойфренд? Ну и что с того? Или за меня проголосовала вся группа? Или это «мы» подразумевает только тебя? Тоже мне, императрица...

«...что ты будешь весьма ценным пополнением для нашего факультета. Твои обязанности будут следующими...»

Письмо – меньше, чем на полстраницы. В нем сказано, каковы будут мои обязанности, какой будет стартовая зарплата (размер которой не обсуждается), плюс медицинская и – ого! – даже стоматологическая страховка. Вот это мне определенно пригодится: от одной мысли, что придется иметь дело с ней, зубы уже на грани разрушения.

И в заключение:

«Пожалуйста, не стесняйся звонить по моему личному номеру, указанному ниже, в обычные рабочие часы».

Сверяю номер с раскладкой клавиатуры – посмотреть, не соответствуют ли цифры чисто случайно чему-нибудь вроде «914-УРОДИНА». Как ни печально, нет.

Вот и все письмо. Ни извинений за то, что она натворила в прошлом, ни попыток объяснить. Когда-то она была злой, теперь она добрая, и всем нам предлагается просто принять это как данность и работать дальше.

Не могу.

Предполагается, что мы должны поверить ей.

Не стану.

«Хелло, Кэтрин. Уверена, мы прекрасно подружмися».

Первые сказанные мне слова. До сих пор вижу ее перед собой, в родительской гостиной. Нижнее белье – действительно снизу, под одеждой. Эта гадючья улыбка, эти холодные глаза. Я же ее насквозь вижу...

«Ничего подобного».

Мой собственный разум вмешался и перебил меня.

Да, откровенно говоря, я вовсе не могла видеть ее насквозь. Она казалась немного отталкивающей, несколько недружелюбной, но вовсе не излучала ауры зла. Я и представления не имела, во что она замешана на самом деле. Не имела ни малейшего понятия, насколько она опасна. Откуда я могла знать? Откуда вообще хоть кому-либо это знать?

Особенно ребятам.

Всем этим ребятам – юным мутантам из Школы профессора Ксавье, ждущим от нее наставлений, информации, фактов о жизни мутантов.

А остальные допустили ее к ним. Скотт Саммерс, он же – Циклоп. Хэнк Маккой – Зверь, один из умнейших людей, с кем я встречалась в жизни. Логан – Росوماха, способный буквально почуять опасность за сотню ярдов – ну, почему он попросту не выпустил ей кишки и не взял дело в свои руки? Почему все эти люди при всем их уме подпустили Эмму Фрост ближе чем на милю к так легко подпадающей под чужое влияние молодежи? Неужели они по доброй воле решили отдать в ее лапы все новое поколение потенциально злых мутантов? Неужели они разучились понимать, что все это значит?

Пожалуй, нет. Не разучились. В наши дни для всех главное – имидж. Даже злые мутанты больше не зовут себя злыми. И люди клюют на эту удочку. Если бы Магнето назвал своих приспешников «Легионом Прикольных Весельчаков», к ним бы, наверное, очередь выстроилась.

Эта школа – часть моей прошлой жизни. Она осталась позади, а я не стояла на месте.

Эмма Фрост тоже не стояла на месте. Но сейчас она вторглась на мою территорию, выковыывает, формирует класс юных «Китти Прайд». А мне предлагается... что? Держаться в стороне и не препятствовать?

Впрочем, все это – не моя проблема.

Мне настал конец.

Раз и навсегда.

Бом-м, бом-м.

Дон-н, дон-н.

Донн. Джон Донн...

Британский поэт середины XVII века...

Человек – не остров,
но каждый, целиком, —
обломок континента,
часть простора.
И если море смоет глину,
Европа станет меньше,
как будто смыло мыс,
или усадьбу друга,
или твою усадьбу.
Любая смерть,
ты убавляешь и меня —
я сросся с остальными.
Не посылай слугу узнать,
по ком бьют в колокол —
бьют по тебе¹.

Ненавижу свой образ мыслей, особенно когда дело доходит до свободных ассоциаций.

¹ Пер. с англ. А. Пустогарова.

По нашей школе звонит колокол, и, даже если я не пойду туда, он звонит и по мне, потому что все мы – мутанты, и все, что происходит с мутантским социумом, произойдет и со мной. Все мы друг с другом связаны. И если Эмме Фрост удастся подорвать идеалы Школы Ксавье, кончится это крупными неприятностями для всех наших. А я – тоже одна из «наших», как бы мне ни хотелось обратного.

Бабушка часто говорила: «Выбор один – значит, выбора нет». Снова смотрю на часы. Цифры 3:03 светятся красным. Наверное, стоит позвонить. Прямо сейчас. Если уж пробудилась из-за нее от крепкого сна, самое меньшее, что я могу сделать – ответить ей той же любезностью.

Дотягиваюсь до сотового и набираю ее личный номер. В моем телефоне имеется анти-АОН, и она не узнает, что это я, пока не проснется и не услышит мой голос.

Она снимает трубку после второго гудка. В голосе – ни намека на сон; слова звучат энергично и бодро.

– Хелло, Кэтрин, – сухо говорит она. – Я ожидала твоего звонка.

Господи, как я ее ненавижу!

1

– Джентльмены... Поверить не могу, что вы – всерьез.

Доктор Кавита Рао изумленно взидала на шеренгу хладнокровных профессиональных скупердеев, сидевших напротив. Очень хотелось кинуться вперед, через круглый стол красного дерева, сгрести ближайшего, кто подвернется под руку, за отглаженную накрахмаленную рубашку и как следует встряхнуть. Однако для Рао, гордившейся своей профессиональной выдержкой, подобное было совершенно недопустимо, сколько бы удовольствия это ей ни доставило.

Кавита Рао была стройна и изящна. Смуглая кожа, тонкие черты лица и красная точка-«бинди» посреди лба указывали на ее индийские корни. Блестящие черные волосы были туго стянуты на затылке, прекрасно дополняя ее деловой вид. Она смотрела на сидевших напротив поверх прямоугольных стекол очков – как всегда, не в силах поверить собственным глазам и ушам.

– Боюсь, доктор Рао, у нас нет выбора, – сказал один из скупердеев. Неважно кто – для Кавиты Рао все они были одинаковы. – Нам нелегко было принять это решение...

– Такие вопросы вообще должны решать не вы, – губы Кавиты Рао сжались в тонкую, почти невидимую линию. – Вы – не ученые.

– Совершенно верно, – согласился другой скупердеев. – Именно поэтому «Бенетек» и полагается на нас.

– Не улавливаю логики, мистер?..

– Скуп, – представился он.

Кавита Рао моргнула. Уголки ее губ дрогнули, выдавая невольное веселье.

– Серьезно?

– Да. А что? – взгляд его сделался озадаченным. – Тут есть какая-то проблема?

Кавита Рао немедленно взяла себя в руки.

– Да, проблема есть, – резко ответила она. – Речь идет о том, чтобы прикончить мой отдел.

– Речь идет о перераспределении персонала и сокращении непроизводительных расходов...

– Прошу прощения, мистер Скуп, но я предпочитаю обходиться одним словом вместо пятидесяти. Можете болтать, сколько заблагорассудится, но слово «прикончить» исчерпывающе описывает суть вашего предложения.

– Прекрасно, – сказал мистер Скуп, пожав плечами. – Можете использовать любую удобную вам терминологию...

– Спасибо и на том.

– Но конечный итог таков: совет директоров обратился к нам за рекомендациями, в том числе – о возможностях реорганизации некоторых отделов в сторону их уменьшения. К сожалению, исследования, в которых участвуете вы, выглядят слишком... как бы это выразиться...

– Ограниченными в применении? – предложил еще один из экономистов.

– Да, именно, ограниченными, – закивал мистер Скуп. – Вот подходящее слово.

– Нет, слово совершенно неподходящее. Применение результатов наших исследований не ограничено ничем.

– Ограничено, – твердо возразил мистер Скуп. – Прежде всего, они предназначены для нужд весьма небольшой процентной доли населения. Собственно говоря, микроскопической доли...

– Чушь, – резко возразила доктор Рао. – «Бенетек» исследует генетические заболевания, намного более редкие патологии – не говоря уж о том, что намного менее потенциально деструктивные – чем те, что исследую я.

– Да, но вы исследуете их уже не первый год, и, по-видимому, ничуть не приблизились к успеху, – в его тоне слышалось скорее сочувствие, чем упрек, но каждое слово все равно казалось тяжелым, жестоким ударом. – Я прав?

– Подобные вещи требуют времени.

– Несомненно, так оно и есть, но это не ответ на мой вопрос. Я прав?

Доктор Рао постучала пальцем по столу. От этой нервной реакции она так и не смогла избавиться, как ни старалась. И, как это ни противно, его правоту нельзя было не признать.

– Да. Эта оценка справедлива.

– Ну вот! – мистер Скуп захлопнул лежавшую перед ним на столе толстую папку, словно створки адских врат. Поймите: мы информируем вас о наших рекомендациях из чистой любезности...

– О чем вы умалчиваете? – требовательно спросила доктор Рао, сузив глаза.

– Не уверен, что я... – вежливо смутился мистер Скуп.

– Есть и другие причины, о которых вы умолчали. Я очень хорошо понимаю язык мимики и жестов, мистер Скуп. Происходит нечто такое, о чем вы предпочли не откровенничать.

Мистер Скуп переглянулся со своими присными за столом, прочистил горло и заговорил:

– Э-э... Тут имеет место один простой, не-двусмысленный факт. Ваши мутанты, доктор Рао, не из тех, кого можно назвать... э-э... секси.

Доктор Рао взглянула на него так, точно он внезапно начал нести бессвязный бред.

– Прошу прощения? Нельзя назвать... «секси»? Да вы видели, как одеваются некоторые из них?

Мистер Скуп и прочие расхохотались, но увидев, что она не смеется, немедленно прекратили смех.

– Я имел в виду, что мутации – это совсем не то, что, скажем, серповидные клетки, болезнь Тея – Сакса или Паркинсона. Среди мутантов нет никого вроде Майкла Джея Фокса, всем на восхищение снимающегося в рекламе или объясняющего Конгрессу, насколько необходимы фонды на новые исследования. Мутантов люди фактически боятся. Даже так называемые... – он поднял кверху пальцы, изображая кавычки. – Даже так называемые «добрые» мутанты являются объектом страха. Как знать, когда им вздумается обратиться к злу? Или уничтожить ваше имущество в драке с другими мутантами, предположительно еще худшими, чем они сами? Думаете, среднему гражданину не все равно, кто в этих невообразимых битвах добр, а кто – зол? Об этом никто даже не задумается. Для граждан все это – просто слишком затянувшаяся драка в баре, выплеснувшаяся наружу, прямо к ним на двор, и уничтожившая их новенький «форд-фьюжн».

– Вы хотите сказать, – медленно проговорила доктор Рао, – что, несмотря на все страдания – как мутантов, так и прочих граждан, – «Бенетек» не собирается продолжать исследования мутантов, так как их нельзя использовать для привлечения средств?!

– Как ни печально, да. Абсолютно точно. Особенно – в сочетании с отсутствием прогресса. Это же не мышечная дистрофия, которую можно показывать в телемарафонах десятками лет, и люди поймут, что это – серьезное заболевание, и оно пока никуда не делось. Мутанты же – просто продукт других генетических исследований. И все это – чистая правда.

– Действительно.

Доктор Рао встала. В продолжении дискуссии не было никакого смысла. Собственно говоря, и дискуссии-то не было. Мужчины автоматически поднялись вслед за ней. Она принялась отсчитывать, загибая пальцы:

– Мышечная дистрофия. Фиброзно-кистозная дегенерация. Гемофилия. Болезнь Тея – Сакса. Серповидные клетки. Как по-вашему, что все это такое?

– Заболевания? – неуверенно предположил мистер Скуп.

– Мутации. Все до единой. Точечные мутации, если быть точной. И люди относятся к тем, кто подвержен им, с простым человеческим состраданием. Если бы все упущенное время было потрачено на помощь мутантам вместо того, чтобы бегать от них или пытаться их уничтожить, то, может быть – всего лишь может быть! – исследования продвинулись бы дальше.

– Что ж... – Скуп пожал плечами. – Видимо, этого мы уже никогда не узнаем. Не так ли?

– Именно, – ледяным тоном ответила доктор Рао. – Не узнаем.

Не сказав больше ни слова, она покинула зал заседаний.

Рао быстро шагала по коридору, и полы лабораторного халата, надетого поверх сари, вихрем вились вокруг ее ног. Кулаки ее были крепко стиснуты, спина – пряма, точно Кавита проглотила шомпол.

«Дурачье. Слепое дурачье. Они не понимают! Никто из них не понимает!»

Интересно, что останется от отдела к ее возвращению? Сохранится ли хоть кабинет? Может, ее рабочий стол вообще задумали перенести в кафетерий? Пусть продолжает исследования, пока согласна убирать со столиков...

И тут, проходя мимо одной из лабораторий, опустевших в ходе последнего сокращения бюджета, она услышала изнутри низкий, грубый голос:

– Доктор Рао! – окликнули ее.

Она остановилась и оглянулась. Основное освещение в лаборатории было выключено, но одинокий дежурный светильник в центре комнаты давал немного света. Шагнув на порог, Рао заглянула внутрь.

Посреди комнаты стоял стол. На столе – казалось, наобум – были разложены бумаги и папки. Однако даже с порога, издали, можно было разглядеть: все эти материалы касаются генетических исследований.

Все прочее помещение было окутано мраком, но в дальнем его углу явно кто-то был. Некто большой, сложенный, будто футбольный лайнбэкер. Однако, кроме размеров фигуры, невозможно было ничего разглядеть.

– Прошу вас, доктор Рао, входите, – продолжал голос. В глубоком и звучном тембре не слышалось ни намек на угрозу. – Закройте за собой дверь.

Доктор Рао машинально потянулась к выключателю, но тот лишь щелкнул впустую.

«Однако это начинает напоминать дешевый ужастик».

– Встречное предложение, – ответила она, не спеша входить. – Что, если я вызову охрану?

– К их приходу меня здесь уже не будет, – сказал голос. – Как и этих весьма вкусных исследовательских данных, разложенных на столе – которые, как я имею основания полагать, представляют для вас немалый интерес.

«Может ли этот невероятно скверный день стать еще хуже?» – рассудительно подумала доктор Рао. Что, если какой-то сумасшедший готовит ей западню, воспользовавшись исследовательскими данными как сыром, привлекающим мышь в мышеловку? «Что ж, даже сумасшедшие заслуживают чуточку внимания», – с мрачной усмешкой подумала она.

Кроме этого, то, что она могла разглядеть на столе, выглядело весьма интригующе.

Войдя в комнату, она закрыла за собой дверь.

– Благодарю вас, – сказал незнакомец. Темная фигура широким жестом указала на разложенные по столу материалы. – Взгляните. Не торопитесь, я подожду.

Доктор Рао медленно подошла к столу и, ничего не трогая, принялась изучать разложенные перед ней материалы.

– Как видите, – пояснил голос, – проблематика исследования интересует нас обоих. Это мутанты. То, что вызывает мутации, и то, что может их прекратить. Факт в том – кстати, знайте, что я намерен быть с вами неизменно честным, – факт в том, что я терпеть не могу мутантов. Я полагаю их деструктивными во всех смыслах этого слова и невероятно опасными не только для этого мира, но также и для других. Знаю, ваша позиция намного... мягче. Но это неважно, поскольку цель у нас – в одном и том же. А именно – в том, чтобы они больше не представляли ни для кого опасности. Откуда это проистекает – из чистого альтруизма или из желания защитить себя – практического значения не имеет. Наши мотивы, сколь бы различными они ни были, пересекаются в этой точке – в конечной цели.

Но Рао почти не слышала его. Чем глубже вникала она в то, что лежало перед ней, тем сильнее расширялись ее глаза. Огромные количества информации – исследовательских данных, основанных на том, чего ей уже удалось добиться, и выводивших ее работу на качественно иную ступень!

С данными все было в порядке. По крайней мере, надежда была.

– Это... Это невероятно! Я едва могу...

Но она тут же осеклась. Внутренний голос предостерег ее от излишних восторгов. Здесь должен быть какой-то подвох. Обязан быть...

– Подвох, – сказала она вслух.

– Простите?

Незнакомец в темноте был не на шутку озадачен.

– В чем подвох? Без него ведь никогда не обходится. О какой же фаустовской сделке идет речь? Чего мне будет стоить все это?

– Стоить? – казалось, он был оскорблен. – Ровным счетом ничего. Считайте это подарком. Небольшой помощью для сокращения пути к цели, которой вы, безусловно, достигли бы и без меня. Вы ведь видите, насколько близки были к ней, доктор Рао? Ваша работа – просто блистательна.

Рао вновь опустила взгляд к столу. Она никак не могла избавиться от подозрений.

– Моя работа есть то, что она есть. Спасибо за комплимент, но... Говоря откровенно, вам нужна не я, а Генри Маккой. Мне нелегко признавать это. Но есть ряд аспектов, понимание которых стоило мне огромного труда, тогда как он понимает их интуитивно, поскольку он...

– Мутант?

– Поскольку он умнее – вот что я собиралась сказать, – уклончиво ответила она. – Несмотря на все мои достижения, он намного опередил меня в данной области. Честно говоря, не понимаю, отчего вы не обратились прямо к нему. Если дело касается данной области науки, он гораздо компетентнее меня.

– Возможно. Однако не думаю, что доктор Маккой отнесется должным образом к... объекту моих стремлений. Учитывая его особенности... Пожалуй, он сосредоточился главным образом на полном понимании механизма действия мутантного гена. Это, безусловно, достойно похвалы, но совершенно несопоставимо с желанием сделать с ним что-либо.

– Вот это «что-либо» меня и тревожит, – сказала Рао. – Поймите следующее. Если я воспользуюсь этой работой... если доведу ее до логического завершения, то так, чтобы не пострадал никто.

– Значит, подвох имеется и с вашей стороны?

В голосе незнакомца не было злости. Скорее, услышанное слегка позабавило его.

Рао кивнула.

– Как бы вы ни относились к мутантам, я не стану соучастницей убийства.

– Ну что вы, доктор, – укоризненно сказал незнакомец. – Не далее как сегодня я совершил совершенно обратное. Вернул к жизни мутанта, коего ваша земная наука сочла мертвым.

– Что?!

Плечи незнакомца чуть приподнялись и опустились, точно то, о чем он только что объявил, было для него обычным повседневным делом.

– Понимаю ваше недоверие. Понимаю – и даже уважаю. Но на кону – миллионы жизней, и все, чего я хочу, – спасти их. Не верю, что вы способны отвернуться от такой возможности.

Доктор Рао знала: он прав. Понимала, что от такой возможности действительно не сможет отвернуться. Но это не означало, что она тут же слепо ухватится за нее. Смело обойдя стол, она остановилась прямо перед темной фигурой.

– Выйдите на свет, – сказала она. – Мне надоели эти дурацкие игры в рыцарей плаща и кинжала.

– Как пожелаете, – ответил он и шагнул к освещенному столу.

Едва незнакомец оказался в круге света, доктор Рао ахнула. Потребовались долгие-долгие секунды, чтобы осознать, кто и что перед ней.

Наконец подходящие слова нашлись:

– В этом месте вам положено сказать «Отведите меня к представителям власти»?

– Я уже был у ваших представителей власти, – сказал незнакомец, подавая ей еще одну папку, которую, казалось, извлек прямо из ниоткуда. – И они дали мне вот это.

Нерешительно приняв от него папку, доктор Рао сощурилась, чтобы различить в полумраке имя на наклейке.

– Тильди Сомс? Кто такая Тильди Сомс?

Раскрыв папку, она принялась читать, и с каждым новым предложением ее все сильнее и сильнее охватывала тревога и ужас. Полицейские протоколы, заключения психиатров и фото – о, господи, фото с места происшествия – повсюду кровь и кишки... Что чувствовали эти люди, умирая? Что думали? Скорее всего, они понятия не имели, что с ними происходит, а девочка – господи всевышний, девочка, съездившаяся в комок в позе зародыша в углу комнаты... Поразительно, что она цела и невредима!

– В эту самую минуту, пока мы с вами разговариваем, – сказала странное существо, только что ворвавшееся в жизнь доктора Рао неизвестно откуда, – малышка Тильди находится в маленькой темной камере. Изолирована, ни с кем не говорит, боится всего, включая – стоит особо отметить – саму себя. Живое наглядное пособие «девочка в состоянии посттравматического стресса». Контакт с людьми не имеет, так как ни один человек не хочет приближаться к ней – из опасений кончить так же, как ее отец и мать. Так не должно жить ни одно живое существо – тем более ребенок. И мы с вами, доктор Рао, – незнакомец продемонстрировал то, что заменяло в его широкой пасти зубы, – оба понимаем, что должны подумать о детях.

Я была ребенком.

Порой вводила саму себя в заблуждение, думая, будто я взрослая. Взрослая Китти Прайд... В это нетрудно было поверить среди детей в той, «нормальной» школе. Эти-то вели себя будто совсем недоразвитые. Особенно в тот день, когда все они сговорились, и, куда бы я ни повернулась, приветствовали меня: «Хелло, Китти!» – здорово выводящими из себя гнусавыми голосами. И на всех вокруг – девчонках, мальчишках, спортсменах, чирлидерах, нердах, на всех – красовались футболки «Хелло, Китти» с этой идиотской бело-розо-

вой кошкой. А когда я открыла свой шкафчик – уж не знаю, как им удалось его вскрыть, – наружу высыпалась чуть ли не сотня кукол «Хелло, Китти»! Как я смутилась, как разозлилась, как глупо себя почувствовала! В тот миг я ненавидела и собственное имя, и свои дурацкие волосы, и вообще всё, всех и каждого.

И тогда я ушла оттуда.

И пришла сюда.

И с тех пор так сильно изменилась...

Но этот дом ничуть не изменился. Здесь все осталось как было.

Такси уехало, а я осталась стоять перед зданием, так долго служившим мне домом. Это была не просто школа. Здесь был мой рай, мое спасение.

Дом выглядит точно так же, как и прежде.

Если честно, я не понимаю, как такое возможно. Сколько раз рушился этот дом? Больше, чем надежды фанов «Чикаго Кьюбс» в конце сезона. И все же вот он – точно такой же, каким запомнился мне с первого раза. Ни единого выщербленного кирпича, ни одной бреши в крыше, ни одной трещины в оконных стеклах.

Конечно, профессор всякий раз воссоздавал его заново во всех деталях – чтобы обеспечить всем и каждому ощущение стабильности и преемственности.

Как будто ничего не изменилось...

Стою футах в десяти от того самого места, где видела профессора Ксавье в последний – в этом я была уверена – раз. Я тогда выглядела просто фантастически – в желтом костюме, и эти дурацкие волосы наконец-то – наконец-то! – выпрямлены, ненавистные кудряшки исчезли давным-давно. Профессор Икс, восседавший в кресле-каталке, смотрел на меня со смесью гордости и ностальгии... Как сейчас вижу его – он говорит, что может отправить мою мебель куда я захочу, или обратно в Дирфилд, домой. А я стою перед ним со сплетенными пальцами, точно взрослая дочь, отправляющаяся покорять большой мир, и говорю:

– Нет. Пусть останется здесь. Я буду навещать вас всякий раз, как выпадет возможность.

Врунишка-врунишка – в огне штанишки... В жизни я столько врала, что штаны на мне до сих пор должны гореть синим пламенем.

В воздухе зябко. На этот раз на мне синяя фланелевая куртка. На случай, если Людей Икс снова похитят, хочу быть одетой потеплее, чем в тот, первый раз. В каждой руке – по чемодану. Постаралась подготовиться к любому повороту событий, но не стоит заблуждаться – это не поможет. Мы повидали все: космос, иные измерения, джунгли, горы, пустыни... Что положить в чемодан, чтобы быть готовой ко всему этому разом?

Проникаю сквозь стену рядом с дверьми – просто потому, что могу. Смотрю направо, в фойе, и вижу саму себя – в юности, злобно потрясающую пальцем в воздухе с криком:

– Профессор Икс – гадина!

Воспоминания так яркие, будто все это произошло только вчера. Профессор Ксавье решил, что мне слишком опасно продолжать работать вместе с Людьми Икс, и разжаловал меня – отправил в новый класс, к ученикам, названным «Новыми Мутантами». Да, я была мутантом, верно, но – «новым»? Ох, как это меня разозлило! Я сопротивлялась этому решению всеми силами, и, наконец, после того, как я одолела пару злодеев в одиночку, он вернул меня обратно, на мое законное место.

Законное место...

Где оно теперь – мое место?

Наверное, я просто сама себя обманываю. Возможно, я ничуть и не изменилась. Стоило войти – и меня тут же накрыло волной тех же самых страхов и сомнений, что и в юности. И это – несмотря на весь мой опыт, на все, что я вынесла и через что прошла! Стоило только вернуться сюда...

Стоило вернуться – и я снова подросток. Совершенно сбитый с толку всем вокруг. Но на этот раз меня окружают не старые враги – не Сидри, не Стражи, не Рой. Теперь враги много мельче.

Осколки. Осколки собственной жизни...

Вот лестница, над которой я повесила омелу, чтобы поцеловать Петра Распутина на рождество.

– Веселого рождества, секси, – промурлыкал ему на ухо крохотный котенок.

О, как он был потрясен! Как неуютно, должно быть, стало бедняге от столь откровенных приставаний козявки-малолетки. Наверняка из-за этого он забыл о любых других страхах.

Но мне было плевать. Честно говоря, я этого, кажется, даже не заметила. Мне не было дела ни до чего, кроме него, и моих чувств к нему, и...

...и, господи, как мне его не хватает!

И Джины. Первой из Людей Икс, спасшей мою дурную голову. После этого и другим доводилось выручать меня, но, как говорится, первого помнишь всю жизнь. Особенно если сегодня...

Если сегодня – пятая годовщина ее гибели.

Опустив на пол чемодан, собираюсь с духом. Давай, Китти. Без слез. Сделай взрослое лицо.

Вокруг никого. Надеюсь, я не опоздала на вводную встречу? А, что там! Если и опоздала, вряд ли это – вопрос жизни и смерти.

2

Скотт Саммерс был на краю гибели.

Был на краю гибели – и прекрасно понимал это. Чувствовал это всеми фибрами души. Однако, подобно человеку, запертому в товарном вагоне поезда, медленно, но верно идущего под откос, не в силах был избежать смерти или хоть как-то изменить ситуацию.

«Помогите же кто-нибудь! Не хочу умирать в одиночестве!»

Он поднял взгляд на Хэнка Маккоя – на Зверя. Покрытый с головы до ног синей шерстью, похожий на огромного кота интеллектuala Маккой был одет в элегантный, сшитый по особому заказу темно-зеленый костюм и галстук-бабочку. На носу его блестели круглые очки. Он опустился в одно из трех кресел, установленных на сцене, держа в руках пятистраничную речь, которую только что произнес. Это был восхитительно дерзкий анализ научно-образовательной программы, целиком захвативший слушателей и доставивший им немалое удовольствие.

– Разогрел их перед твоим выступлением, – шепнул Хэнк Скотту, усаживаясь на место.

Скотт кивнул и опасливо взглянул на тощую стопку каталожных карточек, на которых набросал собственные тезисы. Посчитал, что аудитория будет чувствовать себя непринужденнее, если он выступит без бумажки.

Аудитория... Скотт оглядел зрителей, смотрящих на него из зала, ждущих его слов, ждущих от него чего-нибудь интересного. Целое море юных лиц – и всем им не терпится узнать, что ждет их в новой школе. Зал был огромен, сиденья ряд за рядом тянулись к выходу. Стену за кафедрой украшала громадная буква «Х».

Представив Скотта, Эмма Фрост села в освобожденное им кресло. Она была одета в своей обычной вызывающей манере – открытый живот, низкое декольте. И даже помада ее была белой – в цвет одежды. Ей не составляло труда удерживать внимание учеников... особенно мальчиков. Но стоило ей передать микрофон Скотту – и все пошло к чертям.

– Я далеко не так организован, как Хэнк, – начал он. – И подумал: пусть мое выступление будет... икс-провизацией.

Он сделал паузу, ожидая смеха. Однако в зале стояла мертвая тишина, нарушавшаяся лишь редкими вымученными смешками.

«Уже закончил?» – прозвучал в голове голос Эммы.

«Замолчи».

«Если быть точной, я и так молчу».

«Все равно замолчи».

«Хорошо, хорошо».

И Скотт продолжил сводить на нет все, что подготовили для него Эмма с Хэнком.

– Во-первых, хочу, чтобы вы не забывали: если возникнут вопросы, вы в любое время можете обращаться ко мне. Вам предстоит столкнуться с множеством непонятных вещей, которые покажутся вам... э-э... непонятными, – он моргнул. К счастью, его лицо было скрыто под специальным визором из рубинового кварца, блокирующим смертоносные лучи из его глаз. – Все вы собрались здесь, – продолжал он, – потому что каждый из вас – носитель гена Икс, наделяющего вас сверхчеловеческими силами. Отсюда и название – «Люди Икс».

В воздух тут же взлетела рука.

Скотт был удивлен. Он вовсе не ожидал, что вопросы возникнут так быстро.

– Да, э-э... – он покопался в памяти, припоминая, кто это. – Э-э... Джулиан?

– Кевин, – поправил его юноша.

– Верно. Кевин. Что у тебя за вопрос?

– Я думал, «Икс» – это в честь профессора Ксавье. Понимаете, первая буква его фамилии.

– На самом деле ее следует произносить как «Завье». Как будто первая буква – не «икс», а «зет».

– Вы уверены?

– Да, абсолютно. Теперь позвольте...

В воздух взметнулась еще одна рука.

– Да, э-э... Остин?

– Даллас.

– Да, верно. Даллас.

– А как правильно: Магнето или Магнито?

– Первое.

В воздух взлетели сразу пять рук.

Эмма Фрост, чуть приподнявшись с места, холодно сказала:

– Отложим вопросы до окончания беседы.

Руки тут же опустились.

Скотт продолжал. Рассказал и о славной истории школы, и о надеждах профессора Ксавье, и о нелегких испытаниях, предстоящих ученикам, и о социальной ответственности мутантов...

И все это звучало неловко, монотонно, будто он предпочел бы оказаться где угодно, только не здесь, и заниматься чем угодно, только не говорить всего этого.

Слова слетали с языка одно за другим, но Скотт видел, как с каждым прозвучавшим слогом угасает интерес учеников. Ему не удалось завладеть их вниманием. Он был для них просто здоровенным занудой в отливавшем красным визоре.

Наконец, не в силах больше выносить всего этого, он сказал:

– Итак, э-э... если у кого-нибудь есть еще вопросы...

Вопросов не последовало. Он искоса взглянул на Эмму. Ее лицо было бесстрастным, точно камень. Скотт вдруг осознал, что не может с уверенностью сказать, в чем дело. Быть может, ребятишки просто не хотят продолжать эти муки? Или это Эмма мысленно передает им: «Если хоть один из вас задаст хоть один растреклятый вопрос, вы не просто пожалеете, что родились на свет – вы забудете, что родились на свет».

– Что ж, окей, благодарю за внимание, – сказал Скотт.

Под чьи-то робкие попытки аплодировать он занял свое место, крайнее справа. Хэнк невозмутимо взглянул на него. Наклонившись к нему и указав на свои карточки, Скотт прошептал:

– У меня был еще целый раздел о гражданской ответственности. Но я подумал, что его лучше опустить.

– Хорошая мысль, – согласился Хэнк.

Кафедру вновь заняла Эмма.

– Ну что ж, – заговорила она, с легким раздражением глядя на пустое кресло, ожидавшее того, кто еще не прибыл, – видимо, наша первая встреча закончится чуть раньше, чем...

Вдруг зал ахнул: прямо из стены появилась голова молодой женщины.

Их удивление было понятно. Большинство учеников пришли сюда напрямую из той жизни, что заставляла их скрывать, кто они. Расслабься они хоть на миг, выдай свой дар, превращающий их в «хомо супериор» – и это сделало бы их мишенью бесконечных нападок. Поэтому подавление, сдерживание своих сил стало второй натурой для многих из них. В результате они были просто не готовы к такой обыденной демонстрации мутантских способностей.

– Привет, – сказала женщина, полностью проникнув в зал. Выражение ее лица напоминало об олене, застигнутом лучами фар. – Возможно, я опоздала.

– Именно так, – ответила Эмма Фрост, взглянув на нее свысока и указав ей на пустое кресло. Затем она вновь обратилась к аудитории: – Дети, перед вами Китти Прайд, очевидно, решившая, что нуждается в эффектном появлении.

Но Китти не спешила садиться. Она была ниже Эммы на полголовы, но расправила плечи, чтобы казаться больше, точно кошка, чувствующая угрозу.

– Сожалею, – ответила она без малейшего намека на сожаление, смерив взглядом откровенный наряд Эммы. – Я была очень занята: нужно ведь было не забыть надеть все, что необходимо.

Зал взорвался громким хохотом. На этот раз даже злой взгляд ледяных синих глаз Эммы не смог сдержать всеобщего веселья.

– Необычайно рада, что ты нашла возможность присоединиться к нам, – окинув взглядом зал, Эмма убедилась, что последние смешки стихли. – Мисс Прайд будет преподавать вам углубленный курс вычислительной теории, а также будет выполнять обязанности куратора и посредника между учащимися и административным персоналом.

Скотт наклонился к занявшей свое место Китти и шепнул:

– Очень рад тебя видеть.

– Извини за опоздание, – шепнула она в ответ. – Распределяющую Шляпу я пропустила?

– Нет, только мои замечания и искрометную вводную речь Скотта, – заверил ее Хэнк.

Скотт решил не принимать эту реплику близко к сердцу.

– От этой речи даже я сам заскучал.

Между тем Эмма говорила учащимся:

– Поскольку профессор Ксавье в творческом отпуске, школу возглавляем мы с мистером Саммерсом. Доктор Маккой и мисс Прайд дополняют старший преподавательский состав вкупе с мистером Логаном, в данный момент... удалившимся по делам.

Китти снова склонилась к Хэнку:

– О чем она? По каким делам?

– Скажем так: просто удалившимся.

Только тут они осознали, что Эмма умолкла и смотрит не в зал, а на них.

– Вы закончили? – спросила она. – Или мисс Прайд будет интересно что-либо сказать учащимся?

– Нет, спасибо. Я пока воздержусь, – ответила Китти.

Кивнув, Эмма вновь обратилась к аудитории:

– Помните: здесь – место познания. И вовсе не только познания возможностей, даруемых вам мутациями. Здесь вы будете познавать мир. От всех вас мы ждем уважения к учителям – как к мутантам, так и к людям. Контролируйте свои силы. Безопасность тех, кто окружает вас, – прежде всего. Насилия в какой-либо форме мы не потерпим.

3

– Ну, начинай! Кто хочет?

Этот бар был в первую очередь местом для драк – маленький, убогий, битком набитый здоровыми мужиками, не отказывавшими себе в выпивке (выглядевшими, и пахнувшими соответственно). Из хриплых колонок сочилась «кантри», а на пол, казалось, никогда не мытый и оттого заросший слоем грязи в дюйм с лишком толщиной, буквально не ступала нога человека. Ходили слухи, будто недавно один тип из Департамента здравоохранения заходил сюда с проверкой, но при виде здешней обстановки его тут же хватил удар, и он скончался на месте, так и не сумев составить отчет.

Зачинщик очередной драки был, самое меньшее, на голову ниже гигантов, потягивавших пиво вокруг. Казалось, его черные волосы и бакенбарды живут собственной, отдельной от хозяина жизнью, а в его рыке чувствовался явственный канадский акцент.

– Логан, брось! – сказал бармен, обычно дружелюбный человек по имени Клэнси. – Не лезь...

– Это ты не лезь! – оборвал его Логан. – Я слышал, что он сказал! – он указал на одного из самых здоровых и рослых – человека с бритой татуированной головой, прислонившегося к бильярдному столу с недопитой кружкой в руке. – Я слышал, что он сказал!

– Логан...

– Я уверен, что слышал, – упрямо настаивал Логан, излишне старательно произнося каждое слово, – как он бормочет себе под нос – а от этих ушей, поверьте, ни звука не укроется, – что никогда не видел, чтоб такой жалкий коротышка так много пил. Я прав?

Здоровяк откашлялся и с легким беспокойством ответил:

– Ну да, я так и сказал...

– И это будет стоить тебе...

– Но, – поспешно добавил бритоголовый, – это я про него говорил!

Он указал в самый темный угол бара, и Логан покосился туда. Там, окруженный тремя пустыми кружками, сидел совсем маленький – меньше четырех футов ростом – человек. Подняв на здоровяка ослепительный взгляд, он злобно буркнул:

– Меня подружка бросила. Тебя это колышет, придурок?

– Нет-нет, все нормально, – поспешил заверить его здоровяк. – Я так, про себя сказал. Не хотел вещать на весь бар. Извини, друг. Что скажешь, если выставлю тебе пинту?

Маленький человечек обдумал предложение и сказал:

– Только без шуток про полпинты.

Тут здоровяк, коротышка и еще десяток посетителей бара расхохотались. Казалось, обстановка разрядилась. Но Логан шагнул вперед, встал перед здоровяком едва ли не нос к носу и прорычал:

– Думаешь, на этом все и улажено?

Здоровяк сплотнул. Все застыли, будто парализованные.

– Если хочешь, я и тебе пинту поставлю, – сказал здоровяк, изо всех сил стараясь говорить как можно ровнее и спокойнее.

Ноздри Логана раздулись, точно у хищного зверя.

– Я чувствую, как страх идет от тебя. Волнами. Ты так боишься меня, малой? А что насчет твоих друзей? Тоже бояться? Значит, вот как? Значит, придется подробно рассказывать, какие вы все слюнтяи, чтоб вы сподобились, наконец, постоять за себя?

Голос здоровяка звучал лишь чуть громче шепота:

– Серьезно... Предложение выпивки в силе...

– Нет, не в силе! – окрик Клэнси из-за стойки расколол тишину, заглушив негромкий рык с трудом сдерживавшего ярость Логана. – Ему отказано в обслуживании. Слыхал, Логан? Тебе здесь больше не налиют.

Логан медленно повернулся и устремил яростный взгляд на Клэнси. Он медленно, шаг за шагом, точно ковбой из вестерна, приблизился к стойке и встал перед ней.

– Что это ты несешь?

– Какого слова ты не понял? «Больше» или «не налиют»?

– Ты не можешь отказать мне, Клэнси.

В голосе Логана не было мольбы. Молить Логан был неспособен. Это было простое утверждение.

– Еще как могу. Хочешь, чтобы тебе налили? Ступай в другой бар.

– Не могу.

– Какого дьявола? Вокруг полно других баров.

Логан помолчал, двинул подбородком и негромко признался:

– Они все отказали мне в обслуживании.

– Что? – поднял брови Клэнси. – Это – за сегодня?

– Ага.

Обдумав услышанное, Клэнси окликнул того самого здоровяка, которому только что угрожал Логан:

– Джерри! Встанешь за стойку на минутку, подменишь меня?

– Конечно.

Клэнси вышел из-за стойки, а Джерри протиснулся на его место. Бармен махнул Логану, и Логан послушно двинулся за ним.

Оказавшись в кладовой, Клэнси повернулся к Логану:

– Хочешь сказать, что пьешь весь день?

– Ага.

– Дьявол, да как ты на ногах еще держишься? Ага, я понял: ты пьян, хочешь затеять драку...

– Я не пьян.

– Что за чушь? Весь день пил – и не пьян?

– Хочешь, в алкотестер дуну? Клэнси, я трезв, как стеклышко.

Некоторое время Клэнси молча смотрел в его глаза, а затем сказал:

– Бог ты мой, и правда. Но как это может быть? Там в баре, у тебя даже язык заплетался...

– Самообман. Мой... метаболизм... не дает мне напиться. Сопrotивляется.

Объяснить, что целительная сила мутанта ликвидирует любые повреждения в организме так быстро, что напиться пьяным для него практически невозможно, было бы гораздо сложнее.

– Что ты хочешь сказать? – спросил Логан, заметив, как Клэнси смотрит на него. – Выкладывай.

Клэнси прочистил горло.

– Видишь ли... Логан... Я не первый день тебя знаю. И всегда знал, что ты не... э-э...

– Не кто?

– Не такой, как все. Окей? Не знаю, что за дела с тобой и – хочешь честно? И знать не желаю. Не моя забота. Уходишь – платишь, ни разу не вводил меня в убыток, чего нельзя сказать о большинстве всех этих типов – включая Джерри, который там, наверное, уже вылакал четверть моих запасов. Держишься особняком, но с тобой приятно побеседовать, когда ты в настроении поболтать. А кто бы ты там еще ни был, чем бы еще ни занимался – да «зай гезунд»! На здоровье. Понимаешь, о чем я?

– Ага. Понимаю.

– Но вот ты лезешь в драку с ребятами. За каким дьяволом, скажи на милость?

– Вопрос не в этом, – раздраженно сказал Логан. – Почему они не дерутся? Вот вопрос так вопрос! Ни они, ни ребята из других баров. В барах всегда можно было так славно подраться. А теперь я оскорбляю их прямо в лицо, а они даже слова поперек не скажут.

Клэнси стоило огромных усилий не расхохотаться.

– Ну еще бы! Логан, тебя уже везде знают! Черт побери, в парочке известных мне мест даже твой портрет висит за стойкой, чтобы предупредить всех. Все слышали: не связывайся с маленьким канадцем с бараньими баками, беду наживешь. Только без обид.

– Без обид. Описание справедливое, – подумав, согласился Логан. Он был опечален до глубины души. – Значит, никто не станет со мной...

– Никто, – твердо ответил Клэнси. – То есть – ну, сам посуди: ребят увозит «скорая», а ты уходишь без единой царапины. Конечно, у ребят есть гордость, но они же не самоубийцы. Вот и порешили: можешь обзывать как угодно, зато они вернутся домой живыми и здоровыми. В конце концов, сотня швов и гипс с головы до ног для самолюбия еще вреднее. Поэтому валяй, говори – что хочешь, кому хочешь – никто на тебя руки не подымет. На носу день Благодарения, и никто не горит желанием есть праздничную индейку через трубочку. Теперь понял, что к чему?

– Окей, Клэнси, понял. Все это, конечно, здорово... – по ту сторону кладовой имелась дверь с табличкой «Выход». – Пойду я, окей?

Он направился к двери.

– Женщина, да? – спросил Клэнси ему вслед.

Логан тут же остановился.

– Почему ты так думаешь? – спросил он, не оборачиваясь, чтобы не показывать Клэнси лицо.

– Так ведь всегда все беды от них. Всегда. Что она сделала? Обманывает тебя? Бросила?

– Она погибла, – тихо сказал Логан. – В этот самый день. Пять лет назад.

– О, вот это и вправду беда – так беда. Что же случилось? Если не возражаешь, конечно...

– Лучше промолчу. Ты все равно не поверишь. До скорого, Клэнси.

– Ага. Ага, окей. И, это, Логан... Удачи тебе. Удачно тебе выпить. Или подраться.

– За это не беспокойся, – ответил Логан. – Я – парень находчивый, изобретательный...

Не одно, так другое найду.

С этими словами мутант вышел, громко захлопнув за собой дверь.

4

Эмма Фрост предупредила учеников: насилие в школе недопустимо ни в какой форме. Однако не успело это предупреждение отзвучать, как школу атаковали Стражи.

Без каких-либо предупреждений. Вот Эмма закончила речь – и в следующую же секунду с зала сорвало крышу. Внутрь сквозь красноватую дымку проникли лучи солнца, но никто не обратил на них внимания: все были слишком заняты, уворачиваясь от обломков, посыпавшихся с потолка.

Многим ученикам в свое время приходилось видеть Стражей, охотящихся на мутантов – по телевизору. Но телеэкран никак не мог передать, насколько они огромны в действительности. Страж был просто исполинским, а перепуганным ученикам казался даже больше, чем на самом деле. Росту в лилово-синем роботе было двадцать футов, однако позже некоторые клялись, что он был выше Монумента Вашингтона.

За спиной первого появился второй. Бесстрастный взгляд светящихся желтых глаз устремился вниз.

Лишь горстка учеников отреагировала на угрозу в манере, подобающей тем, кто наделен сверхчеловеческими силами. Один из мальчиков взмыл в воздух, как можно проворнее лавируя между падавшими вниз обломками. Другая, азиатская девочка со смесью страха и решимости на лице, создала силовое поле, повторявшее формы ее тела, будто своеобразная энергетическая броня.

Но подавляющее большинство бросилось бежать – прочь от надвигающейся опасности.

– Мутанты. Вижу цель, – пророкотал ближайший из Стражей.

Несколько учеников попадали на пол, сбитые с ног, и чудом не были затоптаны бегущими. Все знали: Стражи созданы специально для розыска и уничтожения мутантов.

Скотт Саммерс вскочил на ноги, резко вскинул визор на лоб, и его скучная речь тут же стерлась из памяти учеников, узревших Циклопа в действии. Красный лазерный луч из его глаз ударил в грудь ближайшего Стража. Гигантский робот зашатался, но не остановился. Хэнк Маккой сорвал с шеи галстук. Весь его лоск, вся утонченность столичного эрудита вмиг исчезли, сменившись оскалом создания, которому как нельзя лучше подходило имя Зверь.

Китти Прайд подалась назад – прямо сквозь кресло. Ее сила не предоставляла особых возможностей для атаки, но Китти внимательно вглядывалась в наступавшего робота в поисках слабого места, возможности нанести удар по незваному гостю.

Крики, грохот и вспышки взрывов, устрашающий рев Зверя, гвалт и топот учеников, едва не поубивавших друг друга, лишь бы только убраться подальше от ужасного огромного робота, движущегося прямо на них...

Лишь Эмма Фрост не поддалась всеобщей суматохе. Она безмятежно коснулась пульта, лежавшего перед ней на кафедре.

Стражи тут же исчезли. Исчезли и обломки. Потолок восстановился сам по себе – на месте огромной дыры возник ровный лист металла.

Но ученикам трудно было вот так, сразу поверить, что им ничто не угрожает. Всеобщее возбуждение все еще было крайне велико. Один из студентов привалился к стене, драматически схватившись за грудь. (Позже выяснилось, что он страдает от нервной изжоги.)

Наконец все взгляды устремились на Эмму. Та спокойно стояла на месте, совершенно равнодушная к ею же учиненному пандемониуму.

– Итак, чему мы научились? Что мы узнали? – спросила она как ни в чем не бывало – будто мать у ребенка, вернувшегося из детского сада. – Ну? Кто ответит?

Никто не отвечал. Неудивительно. Ученики до сих пор не могли прийти в себя, а Циклоп, Зверь и Китти просто испепеляли Фрост взглядами, раздраженные тем, что послужили пешками в устроенной Эммой битве умов.

– Мы узнали, – продолжала она, – что нас ненавидят все и всюду. Мир никогда не будет для нас спокойным и уютным. Вот почему так важен самоконтроль и воздержание от насилия. Мы должны доказать, что не представляем собой угрозы. Мы должны относиться к обычным людям с уважением, сочувствием и пониманием, но никогда – с доверием. Ну что ж, вас уже распределили по комнатам. Занятия начинаются с завтрашнего дня. Все свободны.

Она проводила взглядом покидающих зал учеников. Некоторые никак не могли справиться с дрожью. Слышались нервные перешептывания:

– Здесь – что, всегда так?

Китти шагнула к Эмме.

– Следовало ожидать! – прорычала она. – Устроить вводную встречу в Комнате страха... Мне следовало ожидать, что ты устроишь какой-нибудь голографический трюк, чтобы заставить их навалиться в штаны от страха.

– Да. Следовало, – ответила Эмма, ничуть не смущенная явной злостью Китти. – Возможно, во время учебы в этой школе ты не получила достаточной подготовки. Возможно, тебе необходимо повторить курс – раз, а то и два. Быть может, кое-какие из моих лекций окажутся для тебя полезными.

– Вот как? Что же ты преподаешь? Противодействие Темным искусствам?

– Возможно, в следующем семестре.

Эмма изящно шагнула вниз, спускаясь с кафедры. К ней подошел Хэнк, разозленный не меньше, чем Китти. Рубашка его была расстегнута до середины, очки – зажаты в кулаке.

– Эмма, ты представляешь себе, что здесь могло случиться?

– Это был рассчитанный риск.

– Эти ребята... – он указал когтистым пальцем вслед уходящим ученикам. – Эти ребята были охвачены паникой. Один, а то и не один из них, мог серьезно пострадать в давке. Это ты учла в своих расчетах?

– Да, учла. Как и то, что каждый мнит себя героем, – бровь Эммы выгнулась изящной дугой на гладком лбу. – Каждый воображает, что, столкнувшись с опасностью, именно он спасет всех и вся. Это приводит к излишней самоуверенности, которая, в свою очередь, ведет к гибели. Эти дети только начинают узнавать, каково это – быть мутантом в мире, где их убьют, как только опознают. Им нужен исходный ориентир, точка отсчета. Им нужно честно оценить свои возможности и понять, как далеко им необходимо продвинуться. Каждый из тех, кто завизжал, побежал, вжался в землю перед лицом угрозы, которую считал реальной, устыдится своей реакции. Они будут вынуждены трезво оценить себя и увидят свои недостатки. Они поймут, к чему стремиться, над чем работать, и в случае реальной угрозы – которая неизбежно возникнет – будут готовы. По крайней мере, настолько, насколько мы сумеем подготовить их. Кстати, доктор Маккой... – Эмма слегка улыбнулась. – Превосходные очки. Чудесная маскировка. Когда вы надеваете их, вас просто не узнать.

Она обернулась к Скотту. Казалось, все замерло. Даже Китти с Хэнком взглянули на Скотта, ожидая, что скажет он.

Но он не сказал ничего. Он просто стоял и смотрел на Эмму, и лицо его не выражало ничего.

Казалось, молчание будет тянуться вечно. Эмма молча развернулась и пошла к выходу, покачивая бедрами на ходу.

– Отлично, Скотт, – сказала Китти. – Ты все сказал ей, не говоря ни слова.

– Мы еще обсудим это, – ответил Скотт. – Но не здесь и не сейчас.

– Когда же?

– Когда я успокоюсь.
Он тоже направился к выходу. Китти и Хэнк взглянули друг на друга.
– Он что – злится? – неуверенно спросила Китти.
– Да, действительно, – ответил Хэнк. – Как ты могла заметить, уголок его рта слегка дрогнул. Верный знак.

* * *

Их пути не пересекались весь остаток дня, пока они не оказались в комнатах, где жили вдвоем. Только здесь у Скотта, наконец, появилась возможность поговорить с Эммой с глазу на глаз.

В их апартаментах имелось два рабочих стола – по одному на каждого, один напротив другого. Здесь же стояли несколько стульев для внеурочных встреч с учениками. С этим исторически сложилась любопытная, но вовсе не удивительная картина: учеников обычно тянуло к Эмме, тогда как ученицы с тоской глазели на Скотта. Как-то Скотт спросил Эмму, не подслушивает ли она украдкой мысли мальчишек. Та рассмеялась и ответила:

– Поверь, если даже я вдруг лишусь телепатического дара – и вдобавок оглохну, онемею и ослепну – я все равно буду точно знать, что они думают.

Теперь они стояли друг перед другом, каждый у своего стола, Скотт – со скрещенными на груди руками, Эмма – откинувшись назад, опустив ладони на стол и, как невольно отметил Скотт, слегка подавшись вперед бедрами.

«Пытается отвлечь. Не позволяй ей этого. Не отвлекайся».

– Следовало предупредить меня, что ты намерена сделать, – исключительно деловым тоном сказал он.

– Но ты бы сказал «нет».

– Среди прочего.

– По-моему, просить прощения – лучше, чем разрешения.

Голос ее звучал слегка дразняще, но Скотт не поддержал этот тон. Лицо его оставалось строгим.

– И Китти и Хэнк были совершенно правы.

– Я тоже. Или я за это очков не получу?

– Если бы без несчастных случаев не обошлось, твоя правота не значила бы ничего. Как готовить детей к будущему, если у них нет будущего, поскольку они гибнут на занятиях? Мы оба понимаем: с началом хаоса, с началом их бегства могло случиться все, что угодно. Кто-нибудь мог погибнуть...

– Что за беда? Если им суждено умереть, пускай себе умирают, и тем сократят излишек населения!

Эту цитату Скотт узнал не сразу.

– А-а, теперь ты – Эбenezер Скрудж, вот как? Хочешь, чтобы тебя считали именно такой? Черствой и бессердечной?

– Скотт, вспомни: разве за все те годы, что мы знакомы, меня хоть когда-нибудь волновало, что люди думают обо мне?

Вопрос был справедлив.

– Нет, – признал Скотт. – С другой стороны, я не считаю тебя черствой и бессердечной. Отсюда вопрос: почему ты хочешь, чтобы люди думали иначе?

– Я бы еще отметила, что слова об излишке населения принадлежат Духу нынешнего Рождества, высмеивающему суждения Скруджа. А Дух нынешнего Рождества любил людей превыше всего на свете.

– Значит, ты хочешь сказать, что сделала это из великой любви к ученикам.

– Иногда быть добрым значит быть жестоким, – ответила она, изящно пожав плечами. Но Скотт не поддавался.

– В своем поступке ты была неправа. И то, что ты не посоветовалась со мной, доказывает: ты сама понимала свою неправоту.

Эмма испустила раздраженный вздох. Оставив вкрадчивый тон, она заговорила покорно, по-деловому:

– Во время вводной встречи я наблюдала учеников. Почти десять процентов из них немало обрадовались предстоящему бою. Я решила, что мы должны знать...

– Знать, кто именно, – закончил ее мысль Скотт. – Чтобы выявить наиболее подходящих для боевых подразделений... и самых безрассудных, кто, вероятнее всего, погибнет в реальном бою. Довод веский, и я бы принял его – вот только именно ты решила устроить вводную встречу в Комнате страха. А из этого я могу сделать вывод, что ты обдумала все заранее, а не действовала под влиянием момента.

– Зачем тратить время на это вербальное фехтование, Скотт? То, что я сделала, очень помогло в оценке учеников, а было ли оно задумано заранее, предпринято под влиянием момента, или и то и другое разом – какая разница? И вообще – где еще проводить вводную встречу, если не в Комнате страха? Это самое большое помещение в доме, если только ты не предпочел бы провести встречу в ангаре... Но в этом случае большинство участников только и делали бы, что разглядывали «Черного дрозда».

«Черный дрозд» был излюбленным транспортным средством Людей Икс – стремительным даже с виду самолетом, начавшим свою жизнь как простой самолет-разведчик. С тех пор самолет был снабжен ударными ракетами и прочим вооружением.

– Не уверен. Если на кафедре ты, кто в силах отвлечься на что-то другое?

– Бог ты мой, Скотт! – Эмма расправила плечи и двинулась к нему, виляя бедрами с агрессивным кокетством. – Уж не комплимент ли это? Еще пара таких же – и ты действительно вскружишь мне голову.

– Это всегда успеется, – на миг задумавшись, Скотт вернулся к делу. – Значит, почти десять процентов учеников... Кто именно?

– Скотт, я – не профессор Ксавье, несмотря на некоторое сходство, – уклончиво ответила Эмма. – Как ни больно было это признавать, мне, как телепату, до его уровня очень и очень далеко. Он владеет своим разумом, будто хирург – скальпелем. Меня же можно сравнить разве что с кувалдой. Я не могу определить с такой точностью, особенно когда дело касается незнакомых разумов, с которыми я сталкиваюсь впервые. Но, если хочешь, я могу просмотреть списки и попытаться сузить круг вероятных подозреваемых... – подойдя вплотную, она положила руку ему на грудь и заглянула в красную щель визора, отделявшего Скотта от всего остального мира. – Но не сегодня.

– Не сегодня.

– Нет, – взгляд ее скользнул в сторону двери в дальнем углу комнаты – той, что вела в их спальню. – На сегодняшний вечер у меня другие планы.

– И они касаются меня.

– Что ж, я могла бы начать и без тебя, но предпочла бы, чтобы и ты присоединился.

«Снова пытается отвлечь. Не позволяй ей этого. Не отвлекайся».

И все же Скотт отвлекся.

Позже, когда они избавились от одежды и тела их соединились, им удалось – всего на миг – уйти, сбежать от истины, которой ни одному из них не хотелось признавать, о которой не хотелось даже думать.

Некоторым из этих ребятшек предстояло погибнуть. То, что случилось днем в Комнате страха, было лишь генеральной репетицией настоящей жестокой гибели, ожидавшей

некоторых из них. Кого? Этого невозможно было знать заранее. Но некоторых – наверняка. Возможно, многих. Возможно, даже всех.

И каждый из них погибнет по одной и только одной причине. Из-за того, что они, эти двое в постели, отчаянно ищущие друг в друге забвения, не справились со своей работой, не сумели подготовить учеников к тому, с чем тем придется столкнуться. Смерть этих молодых людей – наступит ли она через год, через пять, через пятьдесят лет – произойдет из-за того, что Скотт, Эмма и прочие преподаватели оказались никуда не годными учителями.

Ощущение будущего, несущегося им навстречу с неумолимостью товарного поезда, не оставляло их ни на день, ни на час. Но если хоть на миг удастся избавиться от кошмаров, преследующих их по пятам, ночь будет доброй. Просто прекрасной.

5

Маленькая Тильди Сомс – в разгаре ужасной ночи.

Последние полчаса родители спорили – громко, очень громко, и говорили все эти слова, которых, как известно Тильди, нельзя говорить ни в коем случае. Что-то с треском ломалось, и только что мать с топотом поднялась наверх, объявив, что у нее мигрень и она отправляется спать. Этот громогласный аргумент всколыхнул спящее сознание Тильди, подняв с его дна муть и еще кое-что – много-много худшее.

Сны неотвязно преследуют ее, в снах к ней являются ужасные чудища, жуткие уродливые твари с ножами вместо зубов и пилами вместо пальцев, с шестью глазами (по крайней мере, ей кажется, что это глаза), сочащимися чем-то, напоминающим кровь, смешанную с гноем. Чудища – в шкафу, стучатся изнутри в дверцы, и, хотя они еще не показались на глаза, Тильди точно знает, какие они с виду, потому что это ее кошмары, ее собственные ночные страхи во плоти.

В полусне, в том состоянии, где грань между реальностью и фантазией тоньше всего, она выбирается из постели. Босые ноги касаются половиц – холодных, таких холодных! – и она мягко крадется из комнаты в коридор, к единственному безопасному месту, пришедшему ей в голову, туда, куда чудища не посмеют последовать за ней.

Дверь в спальню родителей приоткрыта – значит, ей можно войти. Тильди знает: если она закрыта, входить не стоит. В последний раз, когда она сделала это, родители кувыркались в простынях, тяжело дыша, и наорали на нее, а это ей вовсе не понравилось.

Мать лежит в кровати, и Тильди забирается к ней. На матери – фланелевая ночная рубашка. Тильди прижимается к ней всем телом. Мягкая ткань и материнское тепло успокаивают; ровное дыхание и мерно вздымающаяся грудь внушают ощущение безопасности.

«Здесь чудище не сможет напасть».

Из коридора доносится стук резко распахнувшейся дверцы шкафа.

Спина костенеет, сфинктер сжимается. Тильди замирает, не дыша.

«Чудище не может знать, где я».

Но оно приближается. Из коридора слышится цокот когтей.

«Чудище не посмеет войти сюда».

Дверь спальни с грохотом распахивается, и мама, разбуженная шумом, садится в постели. Она сбита с толку, поймана тем же полусном-полуявью, что не выпускает из лап Тильди.

– Что за?..

Звук ее голоса вязок, тягуч, точно сироп. Внезапно мама визжит, обхватывает Тильди, прижимает ее к себе, снова визжит... Чудище бросается вперед, хватается Тильди и вырывает ее из рук матери. Оно тянет Тильди в себя, внутрь, и только тут Тильди понимает: чудище – женщина, мать, и она хочет забрать Тильди себе. Чудище втягивает Тильди прямо в собственное тело. Теперь Тильди – часть его. Она парит в воздухе, не в силах сделать ничего, а ее мать нечленораздельно кричит и бросается к ней. Мама кричит, а Тильди читает мысли чудища, а чудище думает: «Как вкусны ее крики». С этой мыслью чудище тянется к матери, хватается ее за руки, дергает, и Тильди вдруг оказывается на школьном дворе и видит, как этот противный Хантер Дженкинс обрывает крылышки бьющейся в его пальцах мухи. Мать Тильди успевает издать еще один визг – и ее тело разрывается надвое, прямо посередине. Кровь везде – на кровати,

на стенах, на языке смакующего ее чудища – на всем вокруг, кроме самой Тильди, беспомощно парящей в воздухе. Тильди кричит, но тело чудища заглушает крик.

В дверях – отец, полностью одетый, кричит что-то вроде:

– Что за дьявольщина тут творится?! Ты и Тильди в это втянула?!

Тильди пытается закричать, крикнуть отцу: «Беги!» – но он замирает на пороге, в ужасе вытаращив глаза. Чудище бросается к нему, хватая и вспарывает ему живот снизу вверх. Клинки входят в тело легко, точно нож в масло, и папа смотрит вниз на то, что вываливается из живота, и принимается отчаянно запихивать все эти багровые шланги и все прочее обратно – туда, где им положено быть, но вдруг оседает на колени. Из его горла рвутся булькающие звуки, и это, похоже, не нравится чудищу. Подхватив отца, чудище с размаху припиливает его к стене, чтобы положить конец этому бульканью.

Комната озаряется непонятно откуда взявшимся красным светом. В дверях появляются двое. Полицейские! Полицейские – ее друзья. Она знает это: так говорил один из них, приходивший в школу пару месяцев назад. У него был начищенный до блеска жетон, полицейская собака на поводке и кобура с пистолетом, который он наотрез отказался вытащить и показать мальчишкам, как те ни упрашивали.

У этих двоих нет собаки, зато пистолеты Тильди видит своими глазами. Оба ствола направлены на нее. Чудище взмахивает свободной рукой (вторая все еще в груди папы), и его кулак пробивает туловище ближайшего из полицейских насквозь. Удар поднимает его в воздух, расплывает по стене, как бабочку. Второй полицейский нажимает на спуск, и пуля, пущенная трясущейся рукой, летит прямо в Тильди. Сейчас она умрет. Сейчас она...

– Вита-а-а!!!

С громким криком Тильди резко вскочила и села в постели. Короткие темно-русые волосы упали на глаза, прикрыв небольшой тонкий шрамик на лбу. Ночная рубашка прилипла к взмокшей от пота коже. Тильди била дрожь. Казалось, картины, которые она только что видела, намертво приклеены к глазным яблокам изнутри. В маленькой спальне, сделавшейся началом и концом ее мира, было темно, и в этой темноте – Тильди была уверена, абсолютно уверена – вновь появились чудища. Все они, сколько бы их ни было, окутали ее, поглотили и, как следствие, навсегда поселились в ней, поджидая случая сбежать на волю и учинить новую бойню.

– Вита! – вновь закричала Тильди, и комната вдруг наполнилась светом.

Комната была невелика. Розовые обои на стенах, в углу – один-единственный шкаф, в который поместилась вся одежда Тильди, кроме пропитанной кровью ночной рубашки, которой она не видела с Той Самой Ночи. (Рубашка была исследована от первой до последней ниточки и теперь хранилась в пластиковом пакете, надежно запертом в контейнере, которого Тильди никогда не увидит.) На стене напротив висело большое зеркало. Таких больших зеркал Тильди никогда раньше не видела и не понимала, зачем оно, но не очень-то задумывалась над этим.

В дверях стояла Вита – единственный человек, которого Тильди видела за все эти дни. Смуглая, с симпатичной красной точкой посреди лба, Вита была также и единственным человеком, к которому Тильди была равнодушна – потому что и Вита была равнодушна к ней. Именно Вита каким-то непонятным для Тильди образом забрала девочку из темной камеры, от всех этих страшных людей, заперших ее там и обращавшихся с ней так, точно она сама была ночным кошмаром, которого все должны бояться.

– Тильди, лапушка, я здесь.

В голосе Виты слышался странный акцент, но это было неважно. Важно было только одно: Вита была с ней – именно там, где требовалось.

– Оно вернулось! – прорыдала Тильди. – Я его видела! Я чувствовала! Я...

Присев на край кровати, Вита взяла девочку на руки.

– Это был просто сон, Тильди, – мягко сказала она.

Тильди крепко вцепилась в ткань ее белого халата. Точно такой же халат носил педиатр Тильди в те незапамятные времена, когда у нее были и педиатр, и мама, водившая ее к нему. Вита носила этот халат потому, что тоже была доктором. Это было все, что Тильди требовалось знать, когда они встретились впервые. Всякому известно: доктора нужны, чтобы тебе стало лучше, и если бы Вита смогла сделать так, чтоб девочке стало лучше, Тильди нечего больше было бы и желать.

– У меня не бывает «просто снов», – прошептала Тильди так зловеще, как только способен ребенок.

– Бывает. Еще как бывает. Теперь – бывает, точно так же, как у всех.

– Я не хочу, чтобы оно возвращалось.

Тильди тревожно огляделась вокруг, словно боялась, как бы «оно» не услышало.

– И не вернется, Тильди, – заверила ее Вита. – Никогда.

Доктор Кавита Рао сидела с Тильди, склонившей голову ей на плечо, пока ребенок вновь не погрузился в... Доктору Рао оставалось только молиться, чтобы это оказался сон – просто сон, без сновидений. После этого она опустила голову девочки на подушку, однако выключать свет и покидать комнату не спешила. Некоторое время понаблюдав за ребенком, Кавита убедилась, что приступ не повторяется, и только после этого погасила свет и закрыла за собой дверь.

Выйдя от Тильди, она прошла в смежную комнату – пост наблюдения. Здесь, стоя у зеркала одностороннего видения, позволявшего незаметно наблюдать за девочкой, стоял и ждал ее «коллега».

– Когда вы в последний раз отправлялись вечером домой и как следует высыпались за ночь? – пророкотал он.

Отчего-то в его присутствии Кавите Рао до сих пор становилось не по себе – не меньше, чем в вечер той, первой встречи.

– Целую жизнь назад, – ответила она, протирая усталые глаза.

Кавита Рао отслеживала все показатели жизненно важных функций Тильди, пока та спала; к стыду своему, задремала и проснулась только от крика девочки. К счастью, для наблюдения за происходящим в ее организме и сознании прибегать к инвазивным методам вроде подсоединения к ребенку множества датчиков не пришлось. Система мониторингового наблюдения была встроена в кровать.

Он взглянул на спящую девочку.

– Насколько все было плохо?

– Вы имеете в виду ее «быстрый сон»? Плохо – насколько вообще возможно. Показатели мозговой активности – просто из ряда вон.

– Значит, есть все причины полагать, что сон был идентичен тем снам, что привели к прекращению жизни ее родителей.

Рао удивленно взглянула на него.

– Я бы не стала формулировать столь... официально, но – да. Основываясь на том, что она сообщила – а полагать, что она лжет, причин нет, – она видела тот же сон, что погубил ее родителей и полицейского.

«Коллега» пренебрежительно хмыкнул.

– Родителей я еще мог бы понять, но полицейскому нет оправданий. Он был воином, был вооружен. Уж ему-то никак не к лицу было гибнуть от воплощенных в реальность снов маленькой девочки.

– Простите, не все люди способны сравниться с вами, – ответила она.

– В этом нет вашей вины, и, таким образом, вам не за что извиняться.

Пожалуй, объяснять ему, что такое сарказм, было бессмысленно.

– Благодарю вас.

– Не стоит, – отрывисто бросил он. – Итак, если ее кошмары имели склонность воплотиться в реальность, то воплотились бы во время сегодняшнего инцидента.

– Абсолютно верно, – сказала доктор Рао, взглянув на показания приборов. – Но ничего подобного не произошло. Никаких психокинетических явлений. Ее, так сказать, бензобак пуст. Все возможные научные методы наблюдений подтверждают: она избавлена от этого.

Доктор Рао сделала паузу, чтобы осмыслить этот факт, закрыла глаза, глубоко вдохнула, выдохнула... Уголки глаз обожгли слезы. Совершенно нехарактерная эмоциональная реакция на интерпретацию научных данных...

– Она избавлена от этого, – повторила она.

– В таком случае, доктор, – откликнулся «коллега», я полагаю, пора оповестить об этом мир. Пусть все узнают, что у них, наконец, появилась надежда.

– Да. Надежда. Совершенно верно. Я приготовлю все, что нужно, – она умолкла и неуверенно взглянула на него. – Вы собираетесь присутствовать? Объявить о себе? Без вас мне не удалось бы добиться результата.

– Не забывайте о нашем уговоре, доктор. Мир должен считать, что это ваше и только ваше достижение. Иное для меня неприемлемо. И, кроме того... – по его губам скользнуло нечто вроде улыбки. – Кроме того, во время вашей пресс-конференции я планирую быть... в другом месте.

– Нужно ли мне знать, где?

– Думаю, разумнее не сообщать вам об этом.

Оставалось только верить ему на слово.

6

Ласковые лучи утреннего солнца падали внутрь сквозь окно спальни. Эмма только-только начала просыпаться и еще не открывала глаз. Жизнь научила ее: обычно в тот момент, когда открываешь глаза, день начинает катиться под уклон. Поэтому она продолжала лежать, как лежала, и рука ее покоилась на обнаженной груди спящего Скотта Саммерса.

Простыни были скомканы. Это значило, что Скотт провел беспокойную ночь, и не предвещало ничего хорошего. Это значило, что Скотту снилось множество снов, а он был не из тех, кто забывает о них, стряхивает их с себя с наступлением утра. Как правило, сновидения не отпускали Скотта весь следующий день, делая его еще задумчивее, чем обычно.

«Пожалуйста, только не сны о ней...»

Это был самый худший из страхов Эммы. Она прекрасно знала, что вчера была пятая годовщина со дня гибели Джинны Грей. Великая утраченная любовь Скотта, рыжая девка-телепатка, которой он посвятил себя едва ли не с того дня, когда она, желторотый птенец, впервые переступила порог школы. Женщина, которую он любил, на которой женился, которую потерял...

Правда, Скотт ничего не говорил об этом. Не разглагольствовал о тоске по покойной жене, не стоял в печали перед ее портретом, висевшим здесь, в его кабинете, постоянным напоминанием о ее отсутствии. Порой Эмма даже думала, что Скотт, возможно, забыл о Джине. Это было бы прекрасно. Это значило бы, что он наконец – наконец-то! – осознал, что жизнь продолжается. Не прекратив цепляться за прошлое, ни Скотту ни Эмме не стоило и надеяться на будущее.

Что ж, по крайней мере, он не просыпался по ночам, выкрикивая имя Джинны или еще что-нибудь, столь же безнадежно мелодраматическое. Может, ему просто снилось, как он приступил к испытанию, не подготовившись, или оказался голым на сцене посреди пьесы, которой не репетировал, и не знает ни одной своей реплики. Такие милые обыденные пустяки никак не могут повлиять на его настроение.

Хорошо бы этот день, для разнообразия, выдался добрым...

Но тут грубый рык разрушил все надежды на это:

– Вот скажи мне...

Эмма немедленно села. Скотт тут же встрепенулся, и красноватый свет вспыхнул за его визором, как лампочка в холодильнике. Смертоносная, всеразрушающая лампочка.

Росомаха устроился на спинке кровати, будто на насесте, а солнце заглядывало в комнату из-за его спины – как будто стараясь лучше рассмотреть, что происходит. Пальцами босых ног он помогал себе сохранять равновесие. Из-под распахнутой рубашки выглядывала волосатая грудь. С каждым его выдохом комнату накрывало волной перегара. Пахло так, будто он вылакал запасы целого спиртзавода.

– ...это у тебя какая стадия печали? – закончил Росомаха. – Отречение?

«Убью его», – подумала Эмма.

Но вышло так, что Скотт ее опередил. Щелкнул поднятый на лоб визор, и из глаз Скотта вырвался багровый луч чистой энергии. Луч ударил в грудь Логана прежде, чем тот успел шевельнуться...

«Нет, – подумала Эмма. – Прежде, чем он успеет шевельнуться, ничего не случится. Он хочет, чтобы в него попали. Хочет драки... или просто казнит себя за то, что не сумел спасти ее...»

...и Логан кувырком полетел назад. Оконное стекло будто взорвалось под ударом его тела. Вылетев наружу, Логан тяжело рухнул на траву.

– Скотт! – закричала Эмма.

Но Циклоп уже был за дверью спальни. Через несколько секунд его шаги прогремели вниз по лестнице. Чертовски хорошо, что на нем оказались штаны от пижамы. Если бы он спал нагишом, то-то вышло бы представление для учеников!

«Ученики...»

Эмма прикрыла глаза и болезненно поморщилась. Ужасно. Нечего сказать, замечательное начало дня.

Она взглянула за окно. Росомаха вскочил на ноги, а от крыльца к нему спешил Скотт. Не нужно было даже подслушивать их мысли – их голоса звучали на весь двор.

– Что, Саммерс, зацепило за живое? – с привычным, ни на что больше не похожим «сникт!» кулаки Росомахи оцетинились когтями. – Что с тобой? Эмма Фрост сделала тебе ампутацию совести?

– Вот это здорово, – отпаривал Скотт. – Тот самый тип, что с первого же дня знакомства пытался увести у меня жену, учит меня морали.

Росомаха криво ухмыльнулся.

– Джина оставалась с тобой по одной-единственной причине. Она была слишком сильна, чтобы поддаться собственным желаниям... а ты был слишком напуган.

Рука Скотта потянулась к визору.

– Эй, Логан, похоже, тебе сейчас пригодится твоя целительная сила.

Зная, что сейчас последует атака, Росомаха прыгнул вверх, но Скотт знал его ухватки слишком хорошо. Он целился не туда, где стоял Росомаха, а туда, где разозленный мутант должен был оказаться. Багровый луч ударил Логана в грудь и отправил его в полет на целых полмили, прямо в густые заросли огромных дубов.

Довольно долго среди деревьев не было видно ни малейшего движения, затем над рощей во все стороны полетели листья. Росомаха прорубал себе путь в путанице ветвей, чтобы добраться до Скотта.

«К чертям их обоих, – подумала Эмма. – Надеюсь, они прикончат друг друга».

Это было шуткой лишь отчасти.

Хэнк Маккой, чьи комнаты располагались прямо напротив, бесцеремонно ворвался в спальню Скотта и Эммы посмотреть, что происходит, одетый только в трусы да майку. Увидев разбитое окно и Эмму в белом пеньюаре, под которым не было больше ничего, он резко затормозил и поспешил тактично отвести взгляд.

– Доброе утро, Генри, – сухо сказала Эмма. – Я вижу, сегодня все решили заработать по отгулу, начав рабочий день пораньше.

Он быстро подошел к окну и выглянул наружу. Там, посреди засаженной травой лужайки, стоял Скотт. Наружу толпой валили ученики, похоже, возглавляемые Китти Прайд. В роще вдали, казалось, бушевала какая-то мутировавшая воздуходувка для уборки листьев, задавшаяся целью оголить верхние ветви любимого дуба Хэнка. Но вот из сплетения ветвей вырвался Росомаха. Спрыгнув на землю, он устремился к Скотту, и тут все стало ясно. Но не так, чтобы очень.

– Из-за чего это все? – спросил Хэнк.

– А как ты думаешь? – Эмма старалась говорить равнодушно, однако в ее голосе явственно слышалась горечь. – Суперсилы, блестящий ум, лучшее тело, какое можно купить за деньги... и все равно меня ставят ниже какого-то трупа.

Вот теперь действительно все стало ясно.

Хэнк Маккой и припомнить не мог, когда в последний раз (если вообще хоть когда-нибудь) вправду испытывал жалость к Эмме Фрост. Он хотел бы сказать что-нибудь, подходящее к случаю, но даже не представлял себе, что тут можно сказать.

– Твоя жалость мне не нужна, – сказала Эмма. – Что мне сейчас действительно нужно – это душ. Отчего-то вдруг почувствовала себя грязной.

Она удалилась в ванную, закрыла за собой дверь, щелкнув задвижкой, и внимание Хэнка вновь обратилось к битве снаружи. Он не знал, что делать. Подойти к двери ванной и сказать что-нибудь утешительное? Спуститься вниз и попытаться положить конец этим глупостям, пока кто-нибудь не пострадал? Или просто сунуть в микроволновку пакет попкорна, задрать ноги на стол и наслаждаться зрелищем?

При виде Росомахи, вновь направляющегося к нему, кулаки Скотта задрожали от ярости.

«Вот мелкий ублюдок! Он действительно думает, что я забыл о Джине? Действительно думает, что она хоть на минуту покидает мои мысли? Что не преследует меня, как наваждение? Нет, дело вовсе не во мне. Дело в нем, в его потугах «доказать», что он любил ее больше, чем я. Что он не в силах делать ничего – только пить, чтобы заглушить боль, пока я нахожу в себе силы управлять школой и готовить молодых к полной опасностей жизни. Он просто выставляется передо мной, как всегда, с первого дня, и, хотя Джина уже пять лет как мертва, все еще пытается впечатлить ее...»

За спиной громко откашлялись.

Обернувшись, Скотт увидел Китти. Она стояла позади, скрестив руки поверх слишком просторного для нее розового хоккейного свитера, и сердито взирала на него с гримасой неодобрения на лице. За ее спиной сгрудились ученики, разинувшие рты при виде происходящего.

Казалось, Скотт чувствует тяжесть их взглядов. Сколько раз ему доводилось драться с Логаном по тому или иному... впрочем, всегда одному и тому же поводу! Но тогда они чаще всего были наедине, либо в присутствии других членов команды, пытавшихся их разнять...

«Команды...»

Это слово вспыхнуло в сознании ярче лучей из его глаз. Тут же вспомнились мысли, в последнее время кишевшие в голове, не давая покоя. Вспомнились тревога и разочарование, нараставшее день ото дня, вспомнились сомнения в том, что Люди Икс идут по верному пути. С их потенциалом они могли бы совершить многое, но этот потенциал так и не был раскрыт.

Это слово напомнило обо всех его планах для недавно собранного преподавательского состава. Как он мог позволить так легко отвлечь себя от своих истинных целей? Скотт мысленно дал себе пинка.

Но вдруг голова Скотта, точно сама по себе, развернулась назад. Росомаха прыгнул на него. Скотт так задумался, что потерял Логана из виду.

Однако рефлексy, отточенные в тысячах битв, не подвели. За миг до того, как когти Росомахи коснулись Скотта, Циклоп вновь выстрелил в противника лучом. Росомаха летел на него, описывая в воздухе дугу; удар луча, застигший Логана в апогее, окончательно уничтожил его изорванную в клочья рубашку. Закувыркавшись на лету, Росомаха врезался в землю.

– Закончили, – твердо сказал Скотт.

– О нет, не закончили.

Росомаха поднялся на ноги. Стоял он нетвердо, Скотт знал, что это вот-вот пройдет. И плевать на это хотел.

– Хочешь ударить меня в спину? На здоровье, если тебе так уж отчаянно нужно доказать, что ты лучший.

С этими словами он развернулся и, не оглядываясь, пошел прочь.

Росомаха быстро шагнул за ним, но Китти Прайд заступила ему дорогу.

– И думать не смей, – сказала она.

Росомаха резко остановился и смерил ее слегка раздраженным взглядом.

– Знаешь, полпинты, – пробормотал он, убирая когти, – ты все еще не доросла до того, чтобы я задал тебе хорошую трепку.

– Насколько-то все же выросла, – ответила она.

Она развернулась и побежала за Скоттом, оставив учеников топтаться на лужайке. Догнав его, она заговорила:

– Похоже, я пропустила письмо с напоминанием об утренней гимнастике. Думаю, лучше было начать с прыжков на месте и разножки для разогрева, а уж потом переходить к попыткам убить друг друга.

– Китти, не сейчас.

– Сейчас, Скотт, – негромко, но зло возразила она. – Как нам, черт побери, развивать в этих ребятишках дух товарищества, если мы сами не можем даже...

– Я уже подумал об этом.

– Должны же быть хоть какие-то рамки!

– Я же сказал, что уже...

«Генри интересуется: вы уже закончили выставлять себя идиотами перед новыми учениками? – зазвучал в голове Скотта раздраженный голос Эммы. – Или вы с мистером Умником решили перенести дискуссию в дом и обеспечить нам еще немного материального ущерба? Если так – сделайте одолжение, приступайте. С каждым десятым заявлением о страховом случае мы получаем в подарок тостер, а этот, по-моему, будет уже девятым...»

Скотт проигнорировал ее очевидное раздражение. Оно было вполне понятным. И он, черт побери, сам был за него в ответе.

«Старшему преподавательскому составу, – телепатически сообщил он, – собраться в Комнате страха через десять минут».

«К дьяволу, – откликнулся Логан. Очевидно, Эмма немедленно передала пожелание Скотта остальным, и Логан выражал свои чувства по общему ментальному каналу. – Сейчас я не в настроении сидеть в одной комнате с Одноглазым. Забудьте об этом».

«Хочешь поговорить о забывчивости, Логан? – мысленно рявкнула в ответ Эмма. – Либо ты явишься туда, либо забудешь все, что знал о себе. Я создам тебе совершенно новую личность, выгоню отсюда вон – и живи, как знаешь».

«Не сможешь», – с некоторой неуверенностью ответил он.

«Гарантирую: в следующей жизни ты будешь богом мюзиклов. А мы будем сидеть в первом ряду на каждом представлении».

Последовала пауза. Скотт и не думал, что телепатически возможно рычать, но, очевидно, это было возможно.

«Хорошо», – прорычал Логан.

«Вот и замечательно. Я попрошу Генри приготовить Комнату страха».

Услышав это, Скотт отнюдь не пришел в восторг. Да, ему нравилась непредсказуемость Эммы. Она, в числе прочего, придавала их отношениям остроты. Но на сей раз ее непредсказуемость внушала некоторые опасения. Что могло прийти ей на ум? Особенно – при участии светлой головы доктора Маккоя?

* * *

– До сих пор не могу поверить в то, что видел. И прямо на глазах учеников! – сказал Хэнк Маккой, стоя по щиколотку в водах Тихого океана.

Скотт, Китти, Логан и Эмма возвышались над россыпью Гавайских островов, точно современные Гулливеры в стране лилипутов. Облака плыли по небу мимо их голов, под

ногами вокруг распростерлась трехмерная рельефная карта Гавайев. Скотту представилось, будто он слышит отчаянные вопли крохотных гавайцев, в ужасе бегущих от исполинских мутантов, рассеявшихся на их островах.

Хэнк продолжал выплескивать разочарование от увиденного:

– И если вчерашние шалости Эммы не взвинтили их до предела, то вот, пожалуйста – руководящие работники бьются насмерть! А ведь эти дети должны брать с вас пример! Вы должны быть на высоте!

– Просто отвратительно, – сказала Эмма.

– Да, Эмма, я знаю, что ты не в ответе за их безобразное поведение, но вчерашнее – на твоей совести...

– Нет, я не об этом. Как меня занесло на Оаху? – она раздраженно взглянула на остров, на котором сидела. – На Оаху я не согласна. В Гонолулу толпы туристов – из-за дешевых курортов. А я, когда еду на Гавайи, предпочитаю Мауи. Кэтрин, поменяйся со мной.

– Перебьешься, – отрезала Китти, утвердившаяся на Мауи. – Тут бы не наступить на Ланаи с Кахоолаве, о которые ты вытирала ножищи.

– У меня не ножищи, а ножки.

Хэнк яростно оскалился.

– Леди, я не привык к тому, что меня игнорируют...

– На Кауаи здорово, – предложил Логан, вытянув ноги и водрузив пятки на Молокаи. – И он свободен. Пересядь туда.

– Ни под каким видом. Там меня накормили худшим ужином в моей жизни. Проболела потом три дня.

– Как угодно, – Логан взглянул через океан на Скотта. – Ну конечно, уж он-то занял Большой остров. Так много нужно компенсировать, а, Слим?

– Кто бы говорил.

– Ребята!!! – от злости Хэнк повысил голос. – Может, по-вашему, все это смешно, но я... – Увидев поднятую руку Китти, он перевел дух. – Да. Что у тебя?

– Ничего особенного. Просто я... как-то не понимаю, зачем я здесь, – ответила Китти. – Ни перед кем не теряла лицо, ни с кем не ввязывалась в драку...

– Вчера ты опоздала, – заметила Эмма.

– Да-а, – протянула Китти. – вам действительно следует поучиться смотреть на вещи проще. Понимаю, идея может показаться дикой, если учесть, сколько в вас затаенной злобы – странно, что клапана не рвет... – облака окутали ее лицо, и она раздраженно отмахнулась от них. – Тьфу ты! Кстати, зачем мы тут такие большие? Чтобы подчеркнуть, что мы «должны быть на высоте»?

Хэнк все еще был невероятно раздражен тем, что так и не сумел внушить всем, насколько он зол, однако замечание Китти несколько обескуражило его.

– Да, тут я ошибся, – признал он. – Запрограммировал Комнату страха на Гавайи, подумав, что это поможет нашим драчунам успокоиться. Судя по всему, мне следовало уделить больше внимания масштабу.

Он вынул из кармана пульт управления и принялся менять настройки.

Китти наконец удалось разогнать последние клочья облаков, однако ее волосы успели намокнуть.

– Ну замечательно! Теперь вся голова в облаках. А помните, когда-то здесь были всего лишь огнеметы да вращающиеся лезвия? Как я скучаю по ним!

– Скотт, Логан... Как я уже говорил, – брюзгливо продолжал Хэнк, не отрываясь от пульта, – вам обоим давно пора забыть всю эту чушь.

– Я не стану извиняться перед Логаном и не приму его извинений.

– Скотт, – сказал Хэнк, – ты возглавляешь...

Но Скотт поднял руку, останавливая его.

– Согласен, это непростительно. Поэтому то, что я хочу сказать, будет звучать абсурдно, но я все равно скажу, – он сделал паузу. – Мы – команда. Команда супергероев. И я считаю, что пора начать действовать соответственно.

– Хо-хо, погоди-ка, – вклинился Логан. – Сейчас речь пойдет обо всех этих трико в обтяжку?

Несмотря на досадные обстоятельства, поставившие их всех в идиотское положение, Хэнк не смог сдержать улыбки. Он вовсе не жаждал играть роль дежурного по коридору, надзирающего за порядком в аду, и был дьявольски обижен на Логана со Скоттом – особенно на Скотта, – навязавших ему эту роль. Но если Скотт готов начать думать головой, а не чем пониже, и действовать как лидер, а не как тупой дебошир, то Хэнк был бы рад его выслушать.

Видя, что Хэнк уже не так зол, как прежде, Скотт слегка успокоился. Они с Хэнком пришли в эту школу раньше всех остальных в этой комнате. Только они здесь принадлежали к той изначальной команде, собранной воедино мечтами Чарльза Ксавье. Поэтому ему было так важно, чтобы именно Хэнк поддержал его новый замысел.

– Речь пойдет обо всем, – сказал Скотт. – Об истинном положении вещей. И о репутации. Мы спасаем мир – и даже не мир, а миры – раз за разом. Таково истинное положение вещей. Такова правда, – пара дельфинов принялась совокупляться возле его щиколотки. Он не обратил на них внимания. – Но наша репутация... Нас считают уродами – и это в лучшем случае. Нас считают такими же злодеями, как Магнето, только и ждущими удобного момента. По-моему, мы так давно заиклились на том, чтобы не дать себя уничтожить, что забыли о своей главной цели, – он встал и указал на восток, в сторону материка. – Забыли об остальном мире. Суть в следующем...

Обернувшись к остальным, он с удивлением обнаружил, что иллюзорный берег под их ногами принял нормальные размеры. Волны мягко накатывались на песок, едва не доставая до пальцев ног. Издали доносились громкие, пронзительные крики дельфинов. Он знал, отчего они кричат, и вдруг понял, что никогда больше не услышит подобных криков. Хэнк удовлетворенно кивнул и спрятал пульт.

– Все просто. Нам нужно повернуться к миру лицом. Спасать человеческие жизни, помогать ликвидировать последствия катастроф. Предстать перед людьми такой же командой, как и все остальные. Вспомните Мстителей, Фантастическую четверку – ведь за ними не гонятся по улицам с факелами и вилами...

– Ну, вот и до трико дошло, – негромко пробормотал Росوماха.

– Извини, Логан, – сказал Скотт, постаравшись выдержать сочувственный тон, но не больно в этом преуспев. – Супергероям положены костюмы. А черная кожа с ног до головы, честно тебе скажу, нервирует людей.

Китти снова подняла руку, задумчиво посмотрела на нее, опустила руку и сказала:

– Окей. Официально заявляю: я действительно – действительно! – не понимаю, зачем я здесь. Я – не боец. В отличие от вас, ребята.

– Ты много раз была в бою, малышка. Я бы когда угодно доверил тебе прикрывать мою спину.

Только Росوماха мог сделать комплимент так, чтобы он прозвучал, будто вынужденное признание.

– Однако ты действительно не боец, – согласился с ней Скотт. – Твоя сила – не для нападения, а для защиты. Это понравится публике. Ты вообще привлекательна. Даже Логан тебе симпатизирует, а это о чем-то да говорит, – Логан склонил голову в молчаливом согласии. – Хэнк может говорить речи просто как... как я не знаю, кто, но в глазах людей все равно останется... э-э... Зверем. Эмма – из бывших злодеев. Логан – хулиган и головорез...

– До мозга костей, – подтвердил Логан.

– А я... – продолжал Скотт. – Командой руководить могу, но я же с пятнадцати лет не смотрел никому в глаза.

– А я, выходит, кто? Рекламная вывеска?

Такая роль Китти явно не слишком нравилась.

– Да. Наше собственное дитя с плаката. Ну, разве не мило? Мур-р-р! – сказала Эмма. – «Совершенно безопасная Призрачная Кошка», или «Эльф», или «Ариэль» – сборное сложное существительное, марка автомобильного масла и мультяшная русалка. Или – какую там пошлость и серость ты подобрала себе теперь?

– Эмма, заткнись, – велел Скотт.

Эмма умела сохранять бесстрастное лицо не хуже Скотта, но на этот раз на ее лице явственно отразилось удивление и негодование. Однако Скотт оставил это без внимания.

– У каждого из вас может найтись множество веских причин не желать в этом участвовать. Но вы – команда. Команда, подобранная мной. И потому подумайте над моим предложением.

В Комнате страха надолго воцарилась мертвая тишина. Наконец Хэнк высказал то, чего на самом деле вовсе не думал ни один из них:

– Мне одному до смерти хочется взглянуть на свой новый костюм?

Не знаю, как это все и воспринимать.

Ушла к себе, приняла душ, отмыла волосы от облаков, оделась. Урок у меня сегодня только один, и, учитывая, что я раньше никогда никого ничему не учила, это не так уж плохо. Иду по коридорам, и всюду ребята шепчутся о большой драке, которую видели утром.

– Я думал, они – супергерои, – говорит один.

А другой отвечает:

– Супергерои всегда друг с другом дерутся. Это они так здороваются.

«Супергерои»... Какое глупое слово! Я даже не совсем понимаю, что оно значит. Очевидно, супергерой – это некто, наделенный суперсилами. Но ведь есть парни безо всяких экстраординарных способностей, а публика все равно называет их супергероями. Что требуется, чтобы стать супергероем? Принять вымышленное имя, облачиться в доспехи, вооружиться и отправиться бороться со злом в компании дружка на второстепенных ролях? По этим признакам и Дон Кихот – супергерой...

Дурацкое слово. К тому же, наверняка уже зарегистрировано как торговая марка. Учитывая нашу везучесть, стоит нам начать называться супергероями, владелец торговой марки тут же объявится и пришлет нам письмо с требованием прекратить противоправные действия и воздерживаться от оных впредь. Может, еще и по сотне баксов за каждое использование слова потребует.

Ближе к концу дня отправляюсь прогуляться. Солнце в эти дни садится рано, но до темноты время есть. Лужайка на заднем дворе пуста. Никто никому не вышибает мозги. Уже плюс.

Но, как ни занимают меня мысли о том, что сказал Скотт, я отодвигаю их в сторону. Тревожит другое. Поднимаю взгляд вверх – в небе пусто. Здесь явно кто-то есть, но я его не вижу, и это настораживает.

– Что-то увидела, малышка? – звучит прямо над ухом голос Логана.

Как, черт побери, ему это удастся? Хотя – чего удивляться. Охота, по его понятиям, – это уйти в лес, подкрасться к оленю и провести по его шкуре кончиками пальцев так, чтобы зверь даже не узнал, что он здесь. А что касается внимания к миру вокруг, тут я, по сравнению с оленем, – все равно что в наушниках «Блэк Саббат» слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.